

Ю.Б. Боров, П.А. Николаев, В.Н. Шкунденков

**РОССИЯ:
УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ
ВО ВСЕЛЕННОЙ**

Москва - 2006

**Ю.Б. Борев, П.А. Николаев, В.Н. Шкунденков. РОССИЯ:
УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ ВО ВСЕЛЕННОЙ.
(Три автора – две статьи).** – Тула: Репроцентр, 2006. – 90 с.

Мир сегодня неожиданно оказался без парадигмы (формы бытия) и возникла проблема поиска “парадигмы эпохи”. О чем повествуется в первой статье. Вторая написана как ответ на поставленное задание. Но этот ответ оказался связанным с такими “ненадежными” словами как *свобода* и *красота*. Что может выражать только выбор направления “движения”, но не имеет каких-либо рамок. Не претендуя тем самым на достижение “счастья”, как это предлагают социализм и другие “рамочные” системы-парадигмы.

Такой подход основан на нашем опыте, который показывает, что человек – это всего лишь *инструмент* в руках Природы. Но этот подход, основанный на “возврате” к высокой духовности, позволяет *управлять временем*. Однако это не время всей нашей жизни, а та его часть, которая относится к творчеству человека. Что, собственно, и интересно для будущего звездной Вселенной.

В этом процессе, который связывается с созданием *новых* научно-гуманитарных технологий, авторам видится будущее России.

Ю.Б. Боров
доктор филологических наук, профессор (ИМЛИ РАН)

ПАРАДИГМА ЭПОХИ

*Попутный ветер бывает лишь
для тех, кто знает, куда плывет.*

1. Современная эпоха

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.*
(А. Кушнер)

XX в. был самой напряженной и катастрофичной эпохой в истории человечества. О. Шпенглер говорил о закате Европы. После двух мировых войн и множества региональных, после Освенцима и ГУЛАГа, Хиросимы и Чернобыля, после натовских бомбардировок Белграда и террористической атаки на Нью-Йорк, после всех бедствий последнего столетия следует говорить о худшем – о кризисе человечества. Сегодня на вопрос «Где лучше?» нельзя ответить «Где нас нет». Нет счастья даже у самых, казалось бы, благополучных народов, ведь достаток не дает счастья и лишь избавляет от некоторых забот. А мощь не дает полной безопасности и лишь обеспечивает возможность наказания обидчика.

В XX веке ученые усомнились в том, что история есть движение по восходящей линии. К концу века лауреат Нобелевской премии И. Пригожин предложил понимать историю как хаотическое, непредсказуемое движение. Ранее мир представлялся гармоничным, а хаос виделся на периферии. Ныне картина обратная: мир хаотичен и лишь на периферии – оазисы гармонии. Возникло новое мировоззренческое представление о мире – хаология.

Культура каждой эпохи выдвигает свою концепцию мира и личности, дает формулу бытия человечества (парадигму, утверждающую цели и смыслы бытия). И вся жизнь эпохи определяется этой парадигмой. Однако в этом отношении эпоха конца XX – начала XXI веков принципиально отличается от всех прежних.

2. «Весь мир – тюрьма»?

*Прогресс – замена одних
неприятностей другими.*

(Хавлок Эллис)

«Весь мир – тюрьма», – сказано в одной из трагедий Шекспира. В этой тюрьме некоторые умеют хорошо устроиться. Но даже самый хорошо устроившийся в тюрьме человек ведет не самую достойную жизнь. Мир в новейшее время стремительно меняется, сохраняя свою сущность, хотя и наращивая комфорт, уют, удобства и удовольствия. Однако тюрьма останется тюрьмой, даже если в каждую камеру проведут горячий душ и поставят телевизор. Ведь вся история человечества – пока безуспешный поиск достойного человека образа жизни. Этот поиск ведет культура, формулирующая тип бытия человека в данную эпоху.

Не один человек в истории восклицал: «Не дай бог жить в интересную эпоху!». Мы жили в интересную эпоху и сетовали:

*Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый – век необычайный.
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней.*

(Н. Глазков).

Но уйти от этой печали невозможно. Куда пойти человеку? Достоевский отвечал: «Пойти некуда». Вся историю человечества можно представить себе как смену парадигм (формул бытия). Человек, поняв, что он живет в несовершенном мире, по несовершенной парадигме, ценой огромных усилий вырабатывает новую парадигму, прорывается в новую эпоху и строит жизнь соответственно новой формуле бытия. Жизнь становится более сложной, более насыщенной событиями, более напряженной и даже более интересной. Вскоре, однако, обнаруживаются утопичность и несовершенство этой новой парадигмы, наступает ее кризис и кризис эпохи. Культура вырабатывает новую парадигму, и весь цикл повторяется заново. От эпохи к эпохе менялась концепция мира и личности. Новая концепция приносила надежду и реально способствовала развитию общества, но вскоре претерпевала кризис, и культура начинала новый поиск.

С величайшими трудностями прорываясь в исторически более высокую эпоху, человечество не находило парадигму, несущую всеобщее счастье. Все исторические смены парадигм бытия протекают по формуле Ежи Леца: «Ну хорошо, ты пробьешь лбом стену, а что ты будешь делать в соседней камере?». Движение это не бесполезно и не бессмысленно, ибо происходит относительный исторический прогресс, но с большими потерями и без обретения исторически неопровержимого результата.

Быть может, безупречная парадигма невозможна, но культура старается совершенствовать парадигму и всякий раз предпринимает поиск новой формулы бытия человечества, стремясь проложить пути к новой эпохе, обещающей новую жизнь.

3. Краткая и поэтому схематичная история поисков парадигмы

П а р а д и г м а д р е в н е й ш е й э п о х и: человек – стойкий борец с неблагоприятными условиям жизни, нацеленный на выживание и продолжение человеческого рода. Зачатки искусства возникают тогда, когда у человека появляется свободное время, ведь древние люди были самыми занятыми, вся их жизнь уходила на добывание пищи и крова. Наскальные рисунки, заклинания – это не художественные образы, а *«магические реалии»*, в создании которых главенствующую роль играет подсознание и практическая подготовка к будущей охоте. Эти рисунки отражали понимание первобытным человеком своего положения в мире. Магические реалии синкретически объединяют зачатки разных видов искусства. Главная тема – охота и добывание пищи. Главная категория – польза. Древние люди, озабоченные продолжением рода, создавали скульптуры древних Венер – толстых, грудастых, широкобедрых женщин, у которых главное – детородная функция.

П а р а д и г м а а н т и ч н о с т и: человек - герой и защитник отечества. Главная категория – прекрасное. Главный вид искусства литература, миф. Героизм не покидает античного человека, даже когда он знает, что обречен на смерть. Ахилл, предупрежден пророчеством о гибели в новом бою и боится одного – выказать трусость и оказаться не на высоте вмененного

ему культурой героизма. Это прекрасно: человек способен жертвовать жизнью ради отечества – ведь герои умирают за то, ради чего стоит жить! Однако эта парадигма пришла к кризису. Героизму Ахилла противостоит героизм Гектора. Ахилл убивает Гектора, а вскоре и сам погибает. А героизм варваров разрушил жидущееся на героической концепции античное общество.

П а р а д и г м а с р е д н и х в е к о в : **человек грешен, а в идеале – святой, ориентированный на жизнь горнюю.** Главная категория – возвышенное. Главный вид искусства – архитектура (устремленные в горнюю высь соборы). Эту парадигму провозгласило не только искусство, но и религия. Церковь становится общественным институтом, формирующим и регулирующим принципы бытия человека. **Человек жертвует свободой действий** на земле во имя жизни после жизни, постом и молитвой **смиряет свою плоть**. Сутана – тюрьма плоти, скрывающая телесные очертания, в ней не отличить мужчину от женщины. Средневековая формула бытия претерпела кризис: ведь полное выполнение требования умерщвлять греховную плоть чревато вымиранием человечества, а счастье и свободу действия человек возжелал получить на земле, взирая на благополучие удачливых благодаря рождению или судьбе людей.

П а р а д и г м а В о з р о ж д е н и я : **человек – титан, свободный в своих действиях.** Главная категория – прелестное (чувственно прекрасное), карнавализация. Главный вид искусства – живопись. В уставе Телемской обители Рабле был единственный, но трудно исполнимый пункт: «**Делай что хочешь!**». Не исполнявший его изгонялся из обители. Через исторически короткое время парадигма Возрождения претерпела кризис и его осознал Шекспир. Яго губит Отелло без видимых причин (немотивированное преступление). Яго самоосуществляется в зле, действуя в рамках парадигмы «делай что хочешь». И это раскрывает несовершенство и кризис парадигмы Возрождения.

П а р а д и г м а к л а с с и ц и з м а : **человек – вассал и делает не то что хочет, а то что надо королю (= государству).** Главные категории – трагическое (Корнель, Расин) и комическое (Мольер, Лафонтен). Главный вид искусства – театр. Долг выше чувств, интересы государства – выше личных. Этот рационализм

проявился не только в искусстве, но и в философии (рационализм Декарта). Парадигма, утверждавшая подчиненность личности государству, претерпевает кризис, ибо личность не может полно осуществиться, подавляя чувства во имя служения рациональной цели. Нельзя достичь цели, не обладая здравым смыслом.

П а р а д и г м а П р о с в е щ е н и я: **«частный» и «частичный»** (Гегель) **человек – воплощенное здравомыслие, его величие относительно** (великан среди лилипутов, лилипут среди великанов). Главная категория – сатирическое. Главный вид искусства – философичная литература. Даже лилипутское государство может «пришпилить» крупную личность к земле и подчинить ее. Просвещенный правитель обладает здравым смыслом и должен организовать счастливую жизнь общества. Однако через некоторое время парадигма Просвещения претерпела кризис: человек не может жить счастливо, опираясь только на здравый смысл, не опираясь на чувства и находясь в зависимости от степени просвещенности и здравомыслия правителя.

П а р а д и г м а с е н т и м е н т а л и з м а: **человек – эмоционально чуткая личность, живущая не умом, а сердцем, которое умней ума.** Государство – результат общественного договора, оно должно примирять интересы разных слоев народа и государства. Если же государство не выполняет условия договора, народ имеет право на революцию (Ж.Ж. Руссо). Главная категория – трогательное. Главный вид искусства – поэзия. Эту парадигму утверждает не только искусство, но и мораль. Однако жизнь чувствами не дает полноты жизни. В художественной концепции сентиментализма место для личности не было найдено, и это привело к кризису сентиментализма, который был сменен романтизмом.

П а р а д и г м а р о м а н т и з м а: **человек – целая вселенная, но его бытие извечно неустроенно, ибо зло бессмертно и борьба с ним вечна.** Главные категории – идеальное, совершенное. Главный вид искусства – литература (поэзия). Борьба со злом создает оазисы для жизни личности, но не устраняет зло из мира (Гюго). Мировая скорбь – состояние духа, отражающее состояние мира (Байрон). Личность не корреспондирует с государством. Парадигму романтизма разрабатывала и утверждала

вся культура эпохи. Эта парадигма приходит к кризису, ибо если жизнь неустроенна, а зло неустранимо, то надо искать способы устранения зла с помощью другой концепции мира и личности. И романтизм сменяется реализмом.

П а р а д и г м а р е а л и з м а : человек – носитель сути мира и может изменить его неблагополучие, изменяя себя. Главные категории – эстетическое. Главный вид искусства литература (роман). В последние два столетия именно русская литература внесла вклад в поиски формулы бытия человечества, утверждая: насилием мир не исправишь; нельзя купить счастье целого мира ценой слезинки ребенка; убив старуху-процентщицу, приходится убить и ни в чем не повинную Лизавету (Ф.М. Достоевский). Выход: *непротivление злу насилием и самосовершенствование* (Л. Толстой). Должна быть *гармония* интересов государства и личности (Пушкин «Медный всадник»). Однако непротivление и самосовершенствование не делают мир благополучным, не устраняют зло. Одновременно с парадигмой, выдвигаемой искусством, политика по-своему формулирует парадигму эпохи: «*Свобода, равенство и братство*». Этот красивый лозунг оказался пиаром. И в XX веке Россия выдвинула новое художественное направление – социалистический реализм.

П а р а д и г м а с о ц и а л и с т и ч е с к о г о р е а л и з м а : человек – революционер, преобразователь, перестройщик, утверждает, что избавиться от зла можно только революционным путем (мир насилия следует разрушить с помощью насилия и построить новый мир, в котором нет частной собственности, а личность подчинена государству). Главная категория – эстетическое. Главные виды искусства – литература и кино. Парадигма соцреализма мощно поддерживали марксистская философия и советская политика. Однако эта парадигма претерпела кризис, потому что насилие, раз начавшись, не прекращалось, и слезинка ребенка отравляла революционные достижения; а развившаяся личность устремилась к обретению большей степени свободы от государства. Параллельно с соцреализмом развивались модернизм и постмодернизм.

П а р а д и г м а м о д е р н и з м а и п о с т м о д е р н и з м а : человек – принципиально одинокая личность, не приемлю-

шая социальную организацию (в том числе и государственную); **мир абсурден и враждебен личности.** Главная категория – хаос. Главный вид искусства – любой. Эти направления отвергают традиционную культуру, поскольку она не спасла людей от мировых войн и других бедствий. Кризис модернистской и постмодернистской парадигмы обусловлен историческим опытом, обретенным человечеством к концу XX века, когда выяснилось, что ослабленная государственность не лучше тоталитаризма и что сбрасывать классическую культуру с корабля современности – губительно для общества.

В о с т о ч н а я м о д е л ь. До сих пор наши рассуждения носили евроцентристский характер. Однако более половины человечества живет не по европейской модели развития культуры. И все же есть единое состояние мира. Только восточное развитие протекает не в европейской *интенсивной* форме, а в *экстенсивной*. Казалось бы, развитие восточных культур и цивилизаций остановилось на многие века на средневековом типе жизни. Но внутри этого внешне малоподвижного типа жизни происходят те же процессы, что и в Западном мире: Китай, Индия, Пакистан обладают атомной бомбой, идут работы по атомной физике, генетике, поиски других ноу-хау. Индия создает свою Силиконовую долину программистов, развиваются национальные формы кинематографии, а в восточную литературу пришел роман и другие «европейские» формы. Поэтому парадигмы, формулируемые восточной культурой, сопоставимы с тем, что формулирует западное сознание.

4. Россия, не достроив «прекрасное будущее», строит «прекрасное прошлое»

Россия строит «прекрасное прошлое» человечества, в котором живут «цивилизованные народы», однако «прежде чем сильно чего-то пожелать, следует осведомиться, очень ли счастлив нынешний обладатель желаемого» (Франсуа Ларошфуко).

Мы уже строим не утопическое «прекрасное будущее» человечества – коммунизм, а «прекрасное прошлое» человечества – капитализм (будто бы лозунг «Свобода, равенство и братство», под сенью которого рождалась буржуазная эпоха, – не утопичен.

Эта парадигма просуществовала много дольше, чем социалистическая, но так и не осуществилась!). Лучшие умы XIX века (Диккенс, Бальзак, Стендаль, Пушкин, Гоголь, Достоевский) *показали пороки капитализма*: алчность, преступления ради обретения собственности, холодный эгоистический расчет, вытесняющий человечность из межличностных отношений. А в XX веке критику капитализма продолжили Кафка, Олеша, Теннесси Уильямс, Голсуорси, Фолкнер, Горький, Эйзенштейн, Чаплин и др.

Ф. Феллини и К. Синдо художественно проанализировали оппозицию: наслаждение/труд. Тяжело смотреть японский фильм «Голый остров» Синдо. Действие тянется медленно, а то и стоит на месте. Сюжет ослаблен. Однако эта необычная форма позволяет зрителю ощутить безрадостность существования героев фильма. Концепция ленты Синдо более полно раскрывается при сопоставлении с лентой Феллини. Его «Сладкая жизнь» утверждает: *бесконечное наслаждение без труда антисоциально и разрушительно для личности*. «Голый остров» утверждает обратное: *бесконечный труд без наслаждения благами цивилизации бесчеловечен и антисоциален*. Могучая концептуальная пара – «Сладкая жизнь» и «Голый остров» – дала анализ состояния мира: люди, создающие ценности, противостоят людям, которые потребляют эти ценности. Так искусство констатировало с естественно-научной точностью господство отчуждения, разрыв труда и наслаждения, производства и потребления, творчества и результатов творчества. Эти фильмы художественно раскрыли основное противоречие капитализма.

Западная буржуазность относительно мягка и основана на манипуляции, а не на прямом насилии. Капитализм по-русски определил Щедрин: «...идет чумазый Колупаев и Разуваев, и на вопрос, что есть истина, он отвечает твердо и неукоснительно – распивочно и на вынос. И чумазый покажет всем нам, где раки зимуют». Парадокс истории: попытка воспрепятствовать приходу чумазого породила через 100 лет нового «чумазого».

Социализм давал человечеству надежду на выход из адского круга противоречий буржуазного общества. Вместе с СССР эта надежда рухнула. Мы пока строим дикий, криминальный капитализм, в котором наслаждение благами цивилизации резко отторгнуто от труда, а труд горек и отторгнут от наслаждения. Формула такого капитализма: «Воруй и наслаждайся, трудись и прозябай».

5. Формула бытия человечества в XXI веке

Кризис, охвативший человечество, ярко проявляется в том, что мир, прошедший через две мировые войны и другие бедствия, продолжает быть взрывоопасным и подвергающимся террору, а *наступившая после окончания холодной войны новая эпоха впервые в истории человечества не имеет никакой формулы бытия*. Образовалась мировоззренческая черная дыра. Ее необходимо преодолеть. Когда невозможно действовать – создают идеалы. Намечу контуры парадигмы нашей сложной эпохи:

1) **Человек** (независимо от его национальной, расовой, классовой, конфессиональной принадлежности и имущественного положения) – **высшая ценность мира, и принадлежность к человеческому роду обеспечивает личности распространение на нее прав человека и общечеловеческой солидарности**.

2) Демократия – не панацея (к смерти приговорила Сократа и привела к власти Гитлера – демократия). Современная демократия с помощью СМИ манипулирует сознанием людей. Она выказала свою слабость и на Западе, и в России. Интернет может осуществлять обратную связь власти с народом. Необходимо **сочетание умеренной, разумной и контролируемой обществом авторитарности с инициативной демократией**. Моделью такого сочетания может служить сюжет изложенный в предании времен 1812 года, когда Наполеон отступал из Москвы. Кутузов решил, что окончательно выиграть компанию можно погнав французов по уже разоренной смоленской дороге. Он приказал русской армии перекрыть дорогу на юг и был озабочен удастся ли не пропустить французов. Полководец в вечерних сумерках разговорился с бывалым солдатом и получил мудрый совет: русские солдаты должны сидеть у костров не по 10–20 человек, а по двое. Кутузов отдал распоряжение, и все пространство до горизонта озарилось кострами. Наполеон понял, что отступать можно только по смоленской дороге. Это оказалось губительным для его армии. У нас в экономике и в политике не хватает оригинальных выигрышных идей. Варианты решений этих проблем можно черпать из бездонного опыта народа и его вековой мудрости.

3) Перспективна конвергенция: а) **социальная конвергенция** (идея Сахарова) – объединение сильных сторон капитализма

(рынка) и социализма (это по-своему осуществляется в Китае, по-своему в Скандинавских странах); т.е. необходимы «не голое», «не зряшное» отрицание социалистической и капиталистической системы, а отрицание-снятие «с удержанием положительного» (Гегель) и интеграция в новую систему всего рационального из двух старых; б) **геокультурная и геополитическая конвергенция**. По Кипплингу: Западу и Востоку вместе не сойтись. Однако назрела историческая необходимость единения западного острого смысла и сумрачного гения и восточной вековой мудрости. Культура России с ее евразийскими корнями, играющая роль моста Восток–Запад, оказывается ныне особенно актуальной. Это *гуманная глобализация (не европеизация или американизация мира, а «общечеловеческое единение» в сфере экономики, политики, культуры)*, не разрушающая своеобразие жизни разных народов; единение без диктата, без превалирования какой-либо державы создаст общечеловеческую систему жизни. Такое глобальное единение предполагает *преодоление разрывов*, т.е. снятие напряженности (между бедными и богатыми, католиками и православными, христианами и мусульманами, традиционалистами и реформаторами, необразованными и образованными, глобалистами и антиглобалистами) не путем конфликтов и оружия, а путем диалога, ведущего к взаимоприемлемым решениям.

4) **Отказ от государственного эгоизма** – условие выживания человечества. По Канту, наши суждения и действия должны подчиняться категорическому императиву, требующему относиться к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе. *Кантианский категорический императив должен воцариться и в межгосударственных отношениях.*

Конечно, в моих положениях немало утопического, иллюзорного, несбыточного. Но когда речь идет о парадигме, действует принцип «Будьте реалистами – требуйте невозможного».

Итак, парадигма XXI века: **образование общечеловеческого бытия людей, ориентированного на конвергенцию, преодоление разрывов, инициативную демократию, терпимость и на идею: человек – высшая ценность мира и на него распространяются права человека и общечеловеческая солидарность.**

В конце концов, современную парадигму можно свести к краткой формуле: **процветание и глобальное единение человечества как рода, при сохранении многообразия форм бытия и ценности личности.**

6. Глобализация и общечеловеческая культура

Первая стадия глобализации – попытки Александра Македонского, Чингиз-хана, Карла Великого объединить мир мечом. Произошло усиление взаимодействия культур разных народов.

Вторая стадия – объединение мира на основе географических открытий, колонизаций и развития торгово-промышленных отношений. Это вызвало процесс единения разных национальных культур, что побудило Гёте ввести понятие *«мировая литература»*.

Третья стадия объединения мира – XX век с его двумя мировыми войнами и холодной войной. Глобализм проявился на этом этапе в мировом характере этих событий и в том, что война, борьба, охватившие мир, – были проявлениями *единства* и борьбы противоположностей (вне единства нет ни борьбы, ни войны). В XX веке сформировались восточно-западный (азиатско-европейский), северо-южный (европейско-африканский) и межатлантический (европейско-американский) регионы художественного синтеза.

Четвертая стадия объединения мира – современная *глобализация*, основанная на формировании общемировых экономических процессов. Она вызывает бунтарские демонстрации, подогреваемые опасениями, что она приведет к гегемонии Западного «золотого миллиарда», к неоколониализму, к подавлению национальной государственности, к нивелировке культур. Эти опасения небезосновательны. Глобализация – необходимый процесс единения человечества, однако благотворные новшества оборачивались в истории не только добром, но и бедой. Так было и с подарком Прометея – огнем, и с подарком физики – атомной энергией. Глобализация литературного процесса может обернуться подавлением национальных художественных традиций и господством масс-литературы. Глобализация же, при равноправном взаимодействии всех национальных культур, – необходимый и закономерный процесс слияния художественных потоков в единый Океан художественной культуры человечества. Можно прогнозировать: в XXI веке на смену гетовской мировой литературе придет *общечеловеческая литература*, произведения которой не утратят национальных традиций. Общечеловеческая литература уже в процессе формирования. Ее особенности:

1) При сохранении национального своеобразия обретение ряда дополнительных всеобщих черт. Ориентация художественной культуры на общечеловеческие ценности, национально своеобразно понимаемые.

2) Опора на национальные традиции и использование традиций других, в том числе далеких, художественных культур. Интеграция художественного опыта и мастерства других художественных культур в собственную.

3) Возникновение мощной переводческой индустрии, способствующей взаимопониманию, взаимодействию и взаимообогащению культур. Широкая аудитория начинает потреблять культуру других народов, в том числе отдаленных и сильно отличающихся бытом, обычаями, языком. Развитие герменевтики, компаративизма, рецептивной эстетики, семиотики и других методологических и интерпретационных дисциплин, способных работать с разноразнонациональными текстами, истолковывать и усваивать трудные для понимания тексты «чужой» далекой культуры.

7. Продолжить поиск парадигмы!

Предложенная выше парадигма – социальная гипотеза, нуждающаяся в дальнейшей разработке. Не все сказанное бесспорно. Но бесспорно, что культура каждой эпохи вырабатывала формулу бытия. Сегодня вот уже четверть века такая формула отсутствует. Культура впервые не выполняет одну из своих высших миссий. Это месть культуры за превращение ее в товар массового потребления и за господство суррогатов. Из России выдавливаются (прежде всего экономически) люди культуры (по опубликованным данным – свыше 700 тысяч за последние годы). Материальная необеспеченность деятелей науки и искусства героически переносилась в годы войны, но трудно переносима сегодня на фоне процветания ничего не создавших отечественных миллиардеров.

И на Западе высокая культура не в почете: материальный и социальный статус ученого или писателя несравним со статусом футболиста, боксера, поп-звезды. Общество забыло, что созидание высоких культурных ценностей требует инструментов, приборов, издательских возможностей, на которые нужны средства. При этом в фундаментальную науку и высокое искусство вло-

жение этих средств или безвозвратно, или их возврат отложен на годы. А без опережающего развития фундаментальной науки и высокого искусства общество чахнет.

Отсутствие современной парадигмы дает себя знать на каждом шагу: политики мира поступают как прагматики, исходя из сиюминутной пользы и не ищут теоретически обоснованное стратегическое решение. Или другой пример: сегодня немало талантливых произведений искусства, философских трудов, но нет великих произведений и трудов, способных претендовать на классическое значение. Их и не будет, пока не возникнет парадигма новой эпохи. Может, они есть, а мы еще не умеем их оценить?! Возможно, но тогда в них содержится новая парадигма, которую мы научимся понимать, когда сумеем верно оценить и прочитать эти произведения.

Поиск современной формулы бытия человечества должен стать заботой всего человечества, заботой людей, создающих культуру, и политиков, руководящих государствами. ***Не грех бы ООН уделить внимание этой проблеме, ибо от ее решения зависит жизнь человечества.***

Миллионы людей видели, как падают яблоки, но только Ньютон спросил почему. И похоже, что вопросами «почему?», «как жить дальше?» «что делать?» сегодня задается именно русская культура. У нее есть возможности ответить на высшие метафизические запросы времени разработать и художественно воплотить парадигму новой эпохи, т.к.: 1) русская культура пока менее, чем западная, погрязла в алчности, в масс-суррогатах и постмодернистских заморочках; 2) она выработала в XIX–XX веках установку и умение искать пути не только для отечества, но и для человечества, 3) «состояние мира» (Гегель), его неблагополучие остро представлено в России; 4) российские деятели культуры обладают огромным, многообразным и уникальным социальным опытом; 5) они опираются на мощные традиции русской классики; 6) перед русской культурой сегодня жизнь ставит высшие метафизические проблемы бытия, без решения которых стране не миновать глобальных угроз.

Будем ждать и надеяться.

«Все с детства знают, что то-то и то-то невозможно. Однако всегда находится невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие» (Альберт Эйнштейн).

П.А. Николаев, В.Н. Шкунденков

РОССИЯ: УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Наша статья состоит из двух частей. Первая является научной реакцией на проблемную статью Ю.Б. Борева с ее систематизацией культурных парадигм. Вторая часть есть развитие выработанной нами концепции управления временем, выросшей на основе исследования явлений художественной культуры и данных естественных наук. Первая часть написана доктором филологических наук, заслуженным профессором МГУ им. М.В. Ломоносова, академиком П.А. Николаевым, вторая – доктором технических наук В.Н. Шкунденковым.

Часть I. П.А. Николаев

К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАХ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Что касается «парадигм» Ю. Борева, то нельзя не отметить их главную научную ценность: их «морфология» отвечает главной цели всякой науки: дифференциация методологических уровней анализа. В них представлены в строго логической системе все основные исторические звенья интеллектуального и вообще духовного развития человечества. Строгое понимание специфики предмета дает возможность правильно представить диалектику указанного развития. Соглашаясь с общими и конкретными тезисами на этот счет, можно добавить несколько положений в духе научных исканий автора. Вот некоторые из них.

Говоря о специфике художественного познания мира, можно было бы сильнее акцентировать внимание на человеческом содержании объекта изучаемых исторических стадий. Особенно это важно сделать применительно к своеобразию литературного феномена. Он самый, так сказать, «человеческий» предмет и метод. Его специфическая форма – национальный язык – более всего выдает указанную выше специфику. У других видов художественного творчества есть «соавторы» (у живописи, например, природа), а у литературы есть только один автор – язык.

Устанавливая в хронологической последовательности парадигмы всемирной истории, Ю. Боров правильно акцентирует внимание на значении человека в системе происходящих событий. Здесь дополнения могут быть незначительными. Когда, например, говорится об эпохе Просвещения, можно было бы включить в ее характеристику некоторые понятия, относящиеся к теории познания. Так, следовало бы добавить, что у сентиментализма была философская основа – сенсуализм Кондильяка (философия чувствительности), а когда говорится о романтизме, то следует иметь в виду, что эта структура мышления предполагает самоценность личности, которая освободилась или освобождается от диктата высших обстоятельств. Это самостоятельная, свободно развивающаяся система взглядов, воплотившаяся в соответствующем художественном направлении (романтизм). Самодостаточный романтический человек – существо, динамично развивающееся, а формы, в которых он развивается, легко соединяются с другими системами и формами искусства. Недаром наши русские поэты-романтики любили наряду со словесным творчеством музицировать и рисовать (М. Лермонтов).

К «человеческим» аспектам названной выше дифференциации надо отнести попытки художников определить водораздел жизни по таким «слагаемым»: естественный человек, объективные, нормальные природные импульсы его поведения и их умозрительный, искусственный вариант. Столкновение между этими совершенно противоположными началами бытия составляет сюжеты многих произведений мировой классики. Моцарт в изображении Пушкина – человек, живущий по природным, можно сказать, божеским принципам естественной жизни. Сальери же придумал себе ремесло музыканта и натужно исполняет его. И вследствие такой нравственной структуры он способен на злодейство – убийство Моцарта. Подобные сюжеты образовали целую традицию в

русской литературе, в 20 веке – от И. Бунина («Легкое дыхание») до В. Распутина, в рассказе которого «Уроки французского» героиня, учительница, ведет себя неправильно с точки зрения формальных норм, предписанных школьными правилами. Но именно она есть воплощение истинных, нормальных принципов поведения, с точки зрения высшей нравственной, а не казенной школьной морали.

Вообще этот приоритет нормального над придуманным, искусственным, выдвинутый Пушкиным, мог бы стать основой пафоса русской литературы в советские годы, ибо в нем было определено главное содержание художественной культуры: представить жизнь как воплощение некоей нормы. Так назревало переосмысление господствующих сюжетных мотивов 19 века, когда нормой объявлялось отступление от нормы, например, уголовные сюжеты у Ф. Достоевского, да и не только у него одного: у Пушкина и Л. Толстого слишком обильно представлены трагические и даже кровавые ситуации как типичные явления жизни.

К сожалению, «парадигма» советской культуры оказалась не на уровне высокой требовательности нормы. Причиной тому явился невысокий общий художественный, эстетический уровень произведений художественного творчества. Исключением здесь могут считаться редкие прозаические образцы и главным образом лирика, посвященная Великой Отечественной войне. Ее создатели не должны испытывать комплекс неполноценности перед русской поэзией 19 века. Произведения военной поэзии часто превосходили классику 19 века в той части, когда она была обращена к теме человека и войны.*

Говоря о культурной парадигме 20 века, следует учесть, что теорию социалистической культуры создавали не только представители тоталитарной идеологии (И. Сталин, А. Жданов), но и художники, которых не назовешь адептами названной идеологии, такие неожиданные в данном контексте, как Б. Пастернак.

Нет никакого сомнения в том, что призывы к поиску новой парадигмы 21 века могут сориентировать человеческое сознание на глубокое духовное бытие и на правильную интерпретацию происходящих процессов, теоретически осмыслив которые, только и можно рассчитывать на прогресс, в частности, на единство цивилизации и культуры, которого нам так недостает до сих пор.

* П.А. Николаев. Поэтический пантеон победной войны. М., 2005. – ред.

“ПОЙ, ГАРМОНИКА, ВЫЮГЕ НАЗЛО...”

(Комментарий к книге П.А. Николаева

“Поэтический пантеон победной войны”. – М., 2005.)

От автора: Возможно, читатель, Вы не увидите сразу связи того, что изложено в приведенном ниже тексте, с тем, на что предложено высказаться в статье Ю.Б. Борева. Но это не так. Раскрою карты: мы предлагаем уйти от поиска очередной новой парадигмы, а взамен следовать за ветром настроения. Куда? – Главный вопрос. Ответ: в поисках “красоты”. Опасно? Еще как.

* * *

Я читал и плакал... Когда я плакал последний раз? Это было в июне 1973 года. Создав еще в далеком уже тогда 1967 году первый в СССР сканирующий автомат, предназначенный для обработки фотоизображений ядерных событий – я работал в Объединенном институте ядерных исследований в городе Дубне, – мы ждали целых пять лет, но так и не смогли дожидаться от профессиональных программистов создания программ распознавания измеряемых ядерных событий. И тогда меня, специалиста по электронике и оптико-механике, назначили “сталинским” методом ответственным за эти работы. И дали на решение этой задачи мне, ничего не смыслящему в этих делах, всего... девять месяцев (до конца того года).

Это был какой-то кошмар. Но я не плакал, а просто решил уйти из жизни. Однако уже тогда мне было известно первое правило, которое со временем войдет в разработанный нами метод *управления временем*: не спешить. Следуя ему (скорее сердцем, чем умом), я решил прежде дать им последний бой и взялся за программирование.

Да не побоюсь я обидеть многих ученых, но только заявлю: в лучшем случае лишь один из ста считающихся официально ученым действительно им является. То есть имеет прямое отношение к подлинному творчеству, когда он уходит в неведомое пространство и находит там то, что он и не искал. Без затрат труда и времени. Споткнулся, поднял и – все. Вот только “спотыкается” лишь один из ста. И что интересно – не обязательно самый умный.

Именно это я понял тогда на своем примере. Моих способностей хватило на то, чтобы за каких-то два месяца, при участии одной дамы, научиться программировать и создать программы распознавания для самого простого (следов ядерных частиц в отсутствие пересечения с помехами и др.). Но вот *увидеть*, что этого “простого” уже так много, что на этом надо останавливаться и запускать систему в эксплуатацию, мне Бог таланта не дал. А то бы я создал первое в СССР программное обеспечение для распознавания измеряемых образов всего за два месяца! Иначе говоря, как бы “сжав время” выполнения научной разработки – если сравнивать с пятью годами работы целой группы неудачников – более, чем в 100 раз. Но этого не произошло.

И тут здание, в котором мы работали, дало трещину. Немедленно рабочие помещения опечатали, а нас выгнали. И никто не знает, что делать. А время идет. Через месяц я нашел решение, но это был очень *странный* месяц и решение – тоже. Нам разрешили работать дальше. Но проходит несколько дней и меня вызывают на партбюро, где сообщают, что оставшиеся до конца года шесть месяцев (три из девяти уже прошли) *они*, “чтобы не тратить зря народные деньги”, сокращают до двух недель.

Вот тогда-то, придя к моему серому дружку-сканеру, которого партийные дяди приняли решение зарезать через две недели, я обнял его и заплакал... Выл по-собачьи и гладил. Но вдруг остановился: почему-то мне показалось, что решение моей задачи существует. А увидел я, как бы споткнувшись об эту мысль, что “простого” на снимках было *очень много*.

Я тут же лихорадочно просмотрел два десятка снимков и нашел: “простого” – 70%, что позволяло, не создавая больше ничего из программного обеспечения, поднять производительность обработки снимков за счет автомата в пять раз. А это означало, что вместо пяти лет физик-экспериментатор получит результаты уже через год. Это была победа! И какая...

Через две недели меня снова вызвали на партбюро. Я сообщил, что *их* партийное поручение выполнено. Но поскольку это, понятно, было невозможно, то постановили: лишить меня квартальной премии. Премии лишили. Затем подняли вопрос о понижении в должности. Но тут наступили летние каникулы и вопрос отложили до сентября. К этому времени, отказавшись от отпусков, мы уже обработали 20 000 снимков. *Им* пришлось прикусить язык.

А я тогда задумался: кто это – *они*?

За отсутствием у меня чего-то, на решение этого вопроса у нас ушло тридцать лет. За это время я создал еще один сканер, превзошедший все другие, созданные в мире (всего девять штук). И этот сканер позволил нам уже в XXI веке – напомним, что я волею судьбы оказался специалистом по компьютерным технологиям, – найти изображение *параллельного мира*. Что и дало, да и то предположительно, ответ на поставленный вопрос: а кто же – *они*? О чем мы с Петром Алексеевичем Николаевым и написали в нашей совместной книге под названием “Управление временем” (М., 2005. – 48 с.). И привели там те энергетические изображения довольно страшных “голов” высотой в несколько метров, которые “обитают” в лесу. А потом была написана еще одна книга – “По реке времени” (М., 2005. – 232 с.), уже с участием философа Владимира Ивановича Аршинова, который, исследуя со своих ученых позиций наши работы по раскрытию феномена творчества, характерного для науки и еще более для поэзии и литературы, после нескольких лет общения с нами нашел, что мы пришли к созданию *антропокосмической модели Вселенной*. В которую Россия с ее женским по природе русским духом – о чем писали многие известные русские философы в XIX и XX веках – вписывается как несущая миру высшую духовность через победы “красоты”. Которая и “сжимает” время. Из чего и следует объяснение наших побед. В том числе 1945 года – тогда, в мае, мы даже как бы споткнулись об нее, создав, правда, прежде такие стихи как:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

Или такие:

Вова! Я не опоздал! Ты слышишь?
Мы сегодня рядом встанем в строй.
Почему ты писем нам не пишешь...

И надо-то было, чтобы их, таких стихов, было много. Пусть даже еще не собранных вместе. А кто-нибудь когда-нибудь, когда “придет черед”, должен был это сделать. Просто не могло такого быть, чтобы эту идею кто-то да не придумал. Разве *он* имел на это право – оставить Россию без книги “Поэтический пантеон победной войны”? Не имел...

Но почему все же те книги, о которых мы говорили выше, создавались нами именно с Петром Алексеевичем? Об этом надо спрашивать не меня, а *их*. Но только мне, тоже не знающему ответа, пришла, как это видится, *оттуда* мысль – задать моему старшему другу-академику такой вопрос, который может придти разве что в голову наивного Ивана из русских сказок: а сколько же времени он писал свою книгу, читая которую я плакал второй раз в своей жизни? Оказалось – три-четыре дня. То есть она, как и складывалось впечатление при ее чтении, досталась ему практически задаром. Похоже, даже легче, чем двум другим достались “Евгений Онегин” и “Мертвые души”.

Ну а что же нас все-таки сдружило? Возможно, то, что еще до прочтения этой книги, мне *нравилось*, разъезжая на своем немецком “Мерседесе” по Женеве, где мне выпала судьба скрываться по полгода от *тех*, кто так и не простил мне того 1973 года, “крутить” одну и ту же магнитофонную запись:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

АНТРОПОКОСМИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ВСЕЛЕННОЙ

Из общения с академиком В.С. Степиным, директором Института философии Российской академии наук, я узнал, что время делится на физическое, биологическое и социальное. И внес в это деление одну поправку: в рамках социального времени, с которым связано преобразование Вселенной с участием человека, надо выделить его *особую* часть, которую можно обозначить как *антропокосмическое время*. Это время относится к открытию новых идей. То есть к подлинному творчеству человека, которое происходит – в рамках нашей модели устройства Вселенной – во взаимодействии с “космическими силами” (считайте, Богом, если это вам нравится). Вот эта модель, построенная с учетом как научных знаний об устройстве материального мира, так и знаний, вошедших в великие учения человечества – Каббалу (учению свыше 4000 лет), Ветхий завет, Новый завет, Коран, а также в исследованное нами учение *русского староправославия* (сложилось в основных чертах в XIV веке, это здесь проявился преподобный Сергий Радонежский):

“Подобно известным силам, присущим электромагнитным, гравитационным, а также слабым и сильным ядерным взаимодействиям, которые, по мнению автора, представляют четыре начала в неживой природе, в живой природе тоже можно выделить четыре начала: мужское (проявление энергии через *движение*, несущее человеку “радость борьбы”) и женское (управление *направлением* движения через победы красоты), индивидуализм (характеризуемый в религиозной философии прямой связью человека с Богом) и коллективизм (связь через человека – папу, патриарха, партийного лидера – или через влияние “избранного” народа)”.

(Текст опубликован в статье В.Н. Шкунденкова “Нелинейность времени”. 3-й сб. “Синергетическая парадигма”. – Москва, 2003.)

* * *

В нашей модели Вселенной человек творит во взаимодействии с неким параллельным миром (мы даем ему условное название духа-интеллекта). Но есть ли он в действительности? В бывших долгое время закрытыми сведениях, написанных в манускриптах, которые хранятся в тибетских монастырях, говорится о том, что человечество на Земле возникло в виде энергетических “посланий” из космоса. Наши научные исследования подтверждают существование параллельно с нами невидимых энергетических “существ”. Что делает нашу модель Вселенной более-менее научно обоснованной и пригодной к *практическому применению*.

Вот ряд правил, составляющих применяемый нами подход к организации творческого процесса со “сжатием” времени:

- все начинается с *движения* (если извне, то быть страданиям);
- уже в процессе движения может и должна искаться *красота*;
- исключительно важна ориентация на принцип: *не делать ничего, что можно не делать* (открывается только *чистым* душам, по Сергию Радонежскому – через “осветление души”);
- *не спешить* (русская поговорка: “Утро вечера мудренее”);
- *увидеть* (а не просчитать, что свойственно делать немцам);
- не упустить *то* мгновение, когда “нисходит” настроение, и атаковать: в этом предназначение женского начала, отвечающего за вопрос: *куда* пойдет развитие Вселенной. Поиски ответов на этот вопрос и организация побед для установления “царственности красоты” и раскрывает философия русского староправославия, отражающая *особую* роль России, о которой спорят на протяжении веков.

Победы же, если оглянемся назад, оказывались увязанными всегда с проявлением эффекта *нелинейности времени*. Временем, как выяснилось, можно управлять, сжимая его под *настроение* (ключевое слово, связывающее человека *светом* с параллельным миром) и в 10, и в 100 раз. И это, похоже, еще не предел.

Для этого надо служить тому, что *над* нами, понимая, что это связано с *красотой*. И тогда можно просить “подсказки свыше” – в виде *чисел* “резонанса красоты”, высветляющих пути побед в ярких *вспышках* настроений. Но это проявляется не всегда, а только во время творческого процесса. И мы выделяем именно это время как антропокосмическое.

ЭКСПЕРИМЕНТ С УПРАВЛЕНИЕМ ВРЕМЕНЕМ В ЦЕРН (ЖЕНЕВА)

Изложенный подход соединения мужского и женского начал с целью “сжатия” времени мы применяем с 1995 года в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария). В результате разработка сложнейших информационных систем, предназначенных для повышения эффективности управления научными работами – таких как электронный документооборот, контроль финансов, учет кадров, аналитическое сопровождение больших проектов (в ЦЕРН строится новый ускоритель Large Hadron Collider стоимостью в несколько миллиардов долларов), – ведется с сокращением затрат времени **в 10 и более раз**.

И все это, повторим основную мысль, основано на “возврате” (сама идея не нова, на ней настаивал еще Пифагор) науки в пространство *духовности*. Иначе говоря, на гуманитаризации естественно-научных работ.

И нам видится зарождение нового подхода к выполнению естественно-научных работ, который мы связываем с созданием *научно-гуманитарных технологий*. Так родился наш манифест, которому мы дали название “New Old Europe”:

“Мы вводим понятие *b-technologies* (где *b* означает *beauty*, красота), в пространстве которых соединены движение и красота – мужское и женское начала в природе. И заявляем о своем намерении строить Новую Европу на основе развития национальных культур, тяготеющих к одному из этих начал, и гармоничного их соединения в процессе динамичного сотрудничества.

Наши инициативы направлены на выдвижение талантов, этих редких дарований, с воспитанием молодежи в духе стремления к нравственной красоте и высокому профессионализму.

Сотрудничество, не разрушающее дух национальных культур, предполагает переход к свободным формам объединения интеллекта. Оставляя на первом месте прямое общение между людьми, оно вместе с тем будет опираться на широкое применение сетевых компьютерных технологий.

Цель нашего движения – поднять в 10–100 раз эффективность использования интеллекта. Во имя чего – на это, по опыту истории, предпочтительно не давать ответа, обозначив границы устремлений символами *свобода* и *красота*. Достичь которые невозможно без смелости и отваги”.

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе о месте и роли России. В моей статье “Нелинейность времени” (см. выше) есть такие слова: “Россия – это прекрасная женщина. В ней есть то, чего не хватает человечеству: *чистота*. Как основа философии русского староправославия. Именно чистота помыслов положена в основу известного понятия о “русской идее”. Она несет в себе чистую светлую любовь И, раньше или позже, это займет достойное место: у тех, кто *чистый*, есть оружие “неземной” силы – управление временем”.

Чего же тогда нам сегодня не хватает? Возможно, лишь одного человека, похожего на Петра I Великого. Рискну заметить, что мало кто знает о его двойной – истинной – роли: он не только “прорубил окно в Европу” (соединил этим наше женское начало с немецким мужским, с его ориентацией на *движение*), но также обратился к сотрудничеству с носителями *духа свободы* в русском народе (к вышедшим из князей архангельским старообрядцам-беспоповцам, братьям Андрею и Семену Денисовым, Выговская Пустыня). После чего в России (отметим здесь Александра Меншикова) как из-под земли появились мастера, умеющие лить пушки, а в армии – младший командный состав, ведущий на штурм шведских кораблей и крепостей солдат-никониан не за деньги (как опричники царя Ивана Грозного), а во славу России.

Но сегодня есть и отличие: спасут Россию те, кто будет служить тому, что еще *выше*, чем Россия. И наш путь – это интеграция в мировое сообщество, но с сохранением главного – русской духовности. Что и уловил Петр I в наследии от преп. Сергия. Правда, прежде царь получил от шведов поражение под Нарвой...

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА

(Из книги П.А. Николаева и В.Н. Шкунденкова

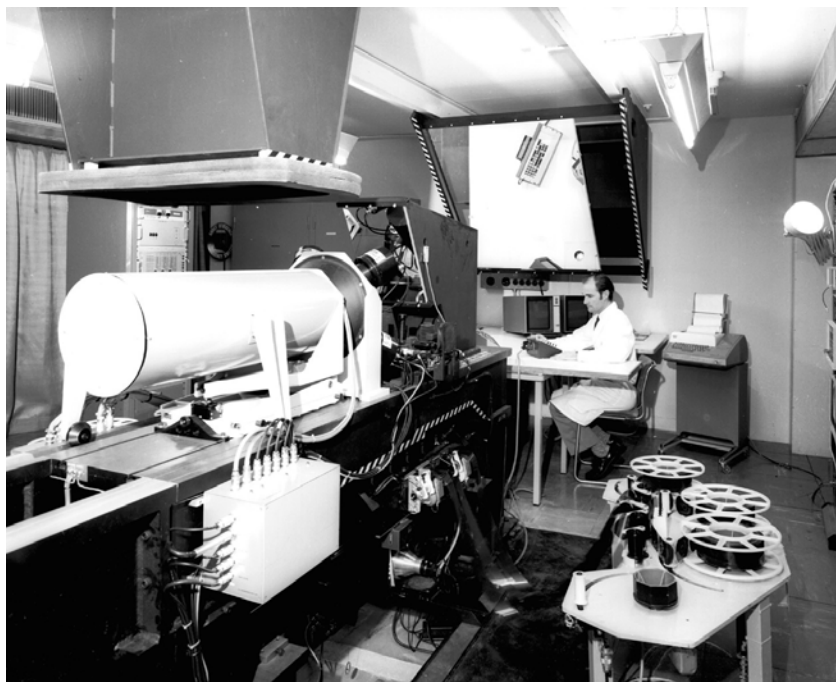
“Управление временем”. – М., 2005)

В 1960-х и 1970-х годах примерно в 200 научных лабораториях мира создавались сканирующие системы для обработки фотоизображений с трековых камер в физике высоких энергий. Всего было создано девять оригинальных систем, из них наибольшие успех и признание получила разработанная в ЦЕРН система на основе применения прецизионной электронно-лучевой трубки – ERASME. Шесть таких систем применялись для обработки снимков с ядерными событиями, регистрируемыми в Большой европейской пузырьковой камере (Big European Bubble Chamber – BEBC). Было обработано 3 миллиона снимков.

Автор, как создатель первой в СССР сканирующей системы – АЭЛТ-1 (1973), принимал участие в разработке блока динамической коррекции фокусировки и астигматизма электронного пучка ЭЛТ системы ERASME и за успехи в выполнении этой работы (была достигнута разрешающая способность в 7000 линий) получил право работать на западной элементной базе. Так была создана сканирующая система АЭЛТ-2/160, имевшая, как и система ERASME, лучшие в мире измерительные характеристики, но вместе с тем это была уже другая система – построенная на *русском подходе*. Увидеть это можно при сравнении пультов этих двух систем – ERASME и АЭЛТ-2/160, приводимых ниже на фото.

Значительно более сложный пульт АЭЛТ-2/160 отражает линию на реализацию подхода: компьютер в помощь человеку. Во всем мире тогда применялся подход: человек – помощник компьютера. Кроме того, в АЭЛТ-2/160 было введено точечное сканирование (измерение оптической плотности изображения в задаваемых компьютером точках), в то время как в ERASME применялось более простое сканирование мини-строками (что позволяет лишь фиксировать наличие почернений, без измерения их плотности). Эти отличия содержат ту *красоту*, которая позволила применить АЭЛТ-2/160 для исследований *невидимого на видимом*. И увидеть (человек за пультом) изображение **параллельного мира**.

Никакой другой тип сканера из числа созданных в мире (девять типов) эту задачу решать не мог.

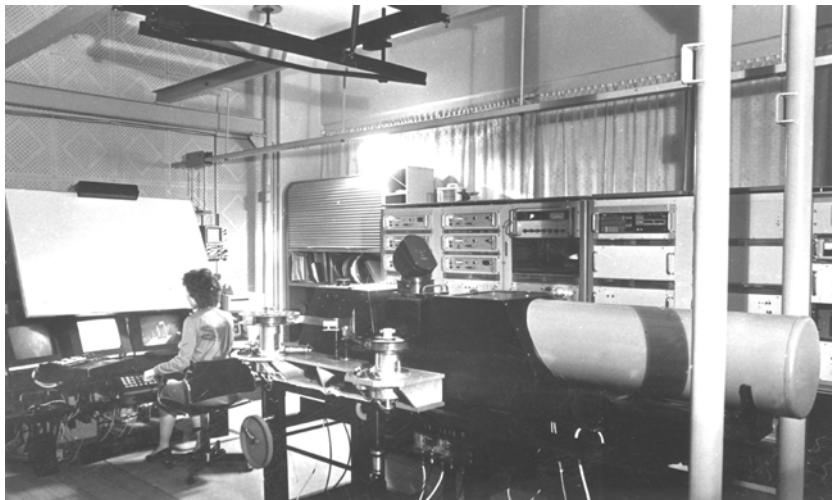
Сканирующая система ERASME,
созданная в ЦЕРН (Женева) для обработки фотоизображений
с Большой европейской пузырьковой камеры

Пульт оператора системы ERASME, построенной на основе подхода: человек в помощь компьютеру

Этот подход отражает господствовавшее в 1960-х и 1970-х годах направление мысли, порожденное *кибернетикой* (на создание искусственного интеллекта). На этом пути разрабатывалось предельно мощное программное обеспечение для задач распознавания измеряемых изображений. Соответственно, средства диалога человека с компьютером оказались значительно “примитивнее”, чем это требуется при другом подходе, реализованном автором в *мониторных* системах АЭЛТ-1 и АЭЛТ-2/160 (см. ниже фото пульта АЭЛТ-2/160): компьютер в помощь человеку.

Именно путь *компьютер в помощь человеку* позволяет “сжимать время” (уменьшать затраты) при создании программ управления измерениями изображений (в том числе очень слабых по контрастности) и их распознавания в 10–100 раз. Он же в сочетании с точным сканированием (созданием трехмерного оцифрованного описания изображения) позволил *искать невидимое на видимом*.

Мониторная сканирующая система АЭЛТ-2/160, построенная по принципу “компьютер в помощь человеку” (а не наоборот, как это “видит” кибернетика). Заложенный в систему принцип позволяет человеку искать то, чего он не знает (расширяя интеллектуальные возможности человека).

Технические характеристики сканера уникальны: размер рабочего поля сканирующей электронно-лучевой трубки (ЭЛТ) – 70 x 140 мм, разрешающая способность ЭЛТ – 7000 линий, ошибка измерений координат – 2 мкм (воспроизводят достигнутое в ЦЕРН на системе ERASME), точечное сканирование, шаг – 2 мкм, относительная ошибка измерений оптической плотности – 1,5% в “видимом” диапазоне плотности (0–2D) (отличие от ERASME).

Именно применение точечного сканирования с измерением оптической плотности изображений позволило исследовать снимок с “лесным чудищем” (см. ниже).

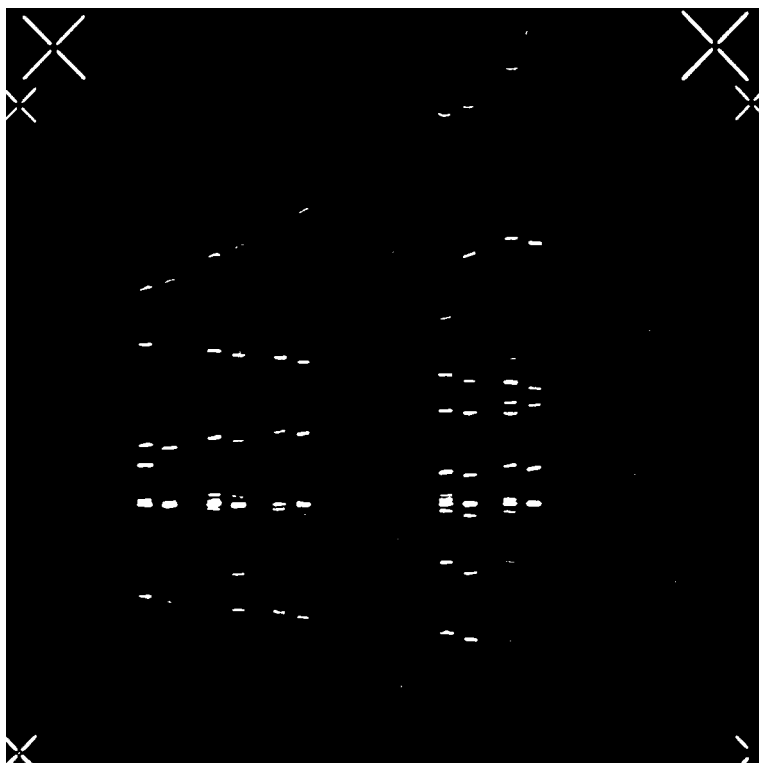

Пульт оператора сканирующей системы АЭЛТ-2/160, позволяющий эффективно подключить компьютер в помощь человеку

Человек-оператор (он же – аналитик) может видеть оптическое изображение стоящего в измерительной рамке снимка и изучать его в поиске “чего-то интересного” (для человека). В его распоряжении – мониторы, позволяющие эффективно искать невидимое на видимом при использовании точечного сканирования и нелинейной обработке оцифрованных трехмерных данных, а также – комплекс *скоростных* средств диалога, что при создании программ распознавания на пути *компьютер в помощь человеку* открывает возможность сокращать затраты на выполнение этих работ при сохранении высокой производительности системы.

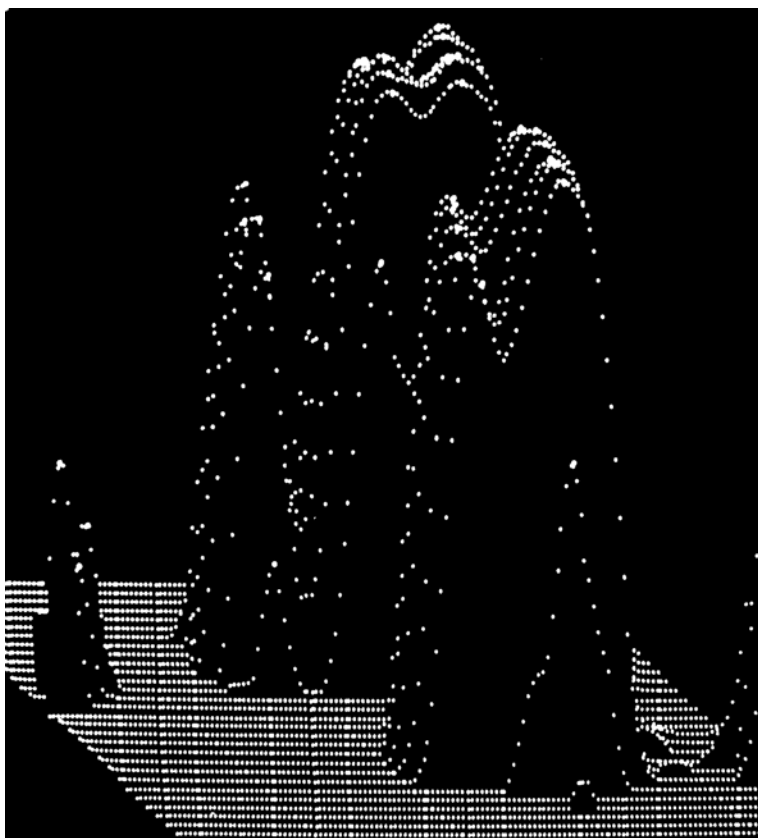
Это достигается, говоря привычным для наших читателей “языком кибернетики”, на пути пересмотра границы разделения функций между человеком и компьютером в сторону увеличения нагрузки на человека при одновременном применении скоростных средств диалога – светового карандаша с обратной связью (подсветкой) и клавиатуры с расположением клавиш “как у рояля”.

Как показал опыт создания двух десятков программных комплексов для задач физики высоких энергий, авиации, офтальмологии и других, затраты при таком подходе сокращаются в 10–100 раз.

Фотоснимок ядерного события в Магнитном искровом спектрометре (одна часть, все событие представлено пятью такими частями)

Второй снизу “жирный” трек в действительности отображает два “слипшихся” трека. Их распознавание возможно только при наличии режима измерения оптической плотности (точечного сканирования) – исключительной возможности сканера АЭЛТ-2/160.

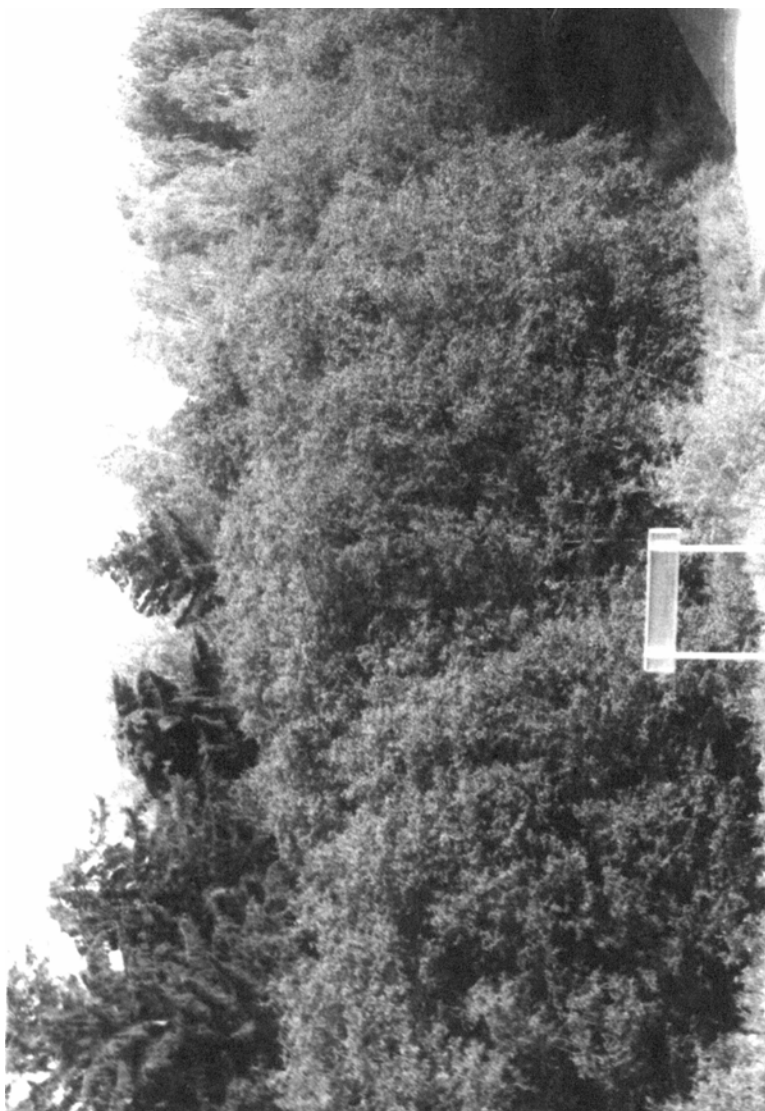
Результаты сканирования двух “слипшихся” треков
в режиме измерения оптической плотности
(точечное сканирование)

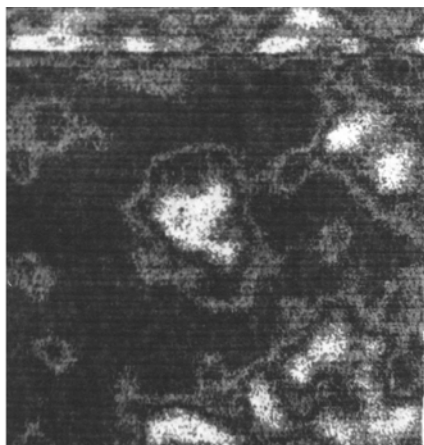
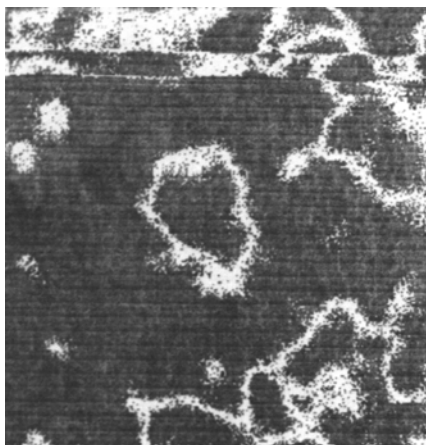
“Лесное чудище” в зелени деревьев (снимок августа 2000 года)

Контур “лесного чудища”

Увеличенный снимок “лесного чудища”

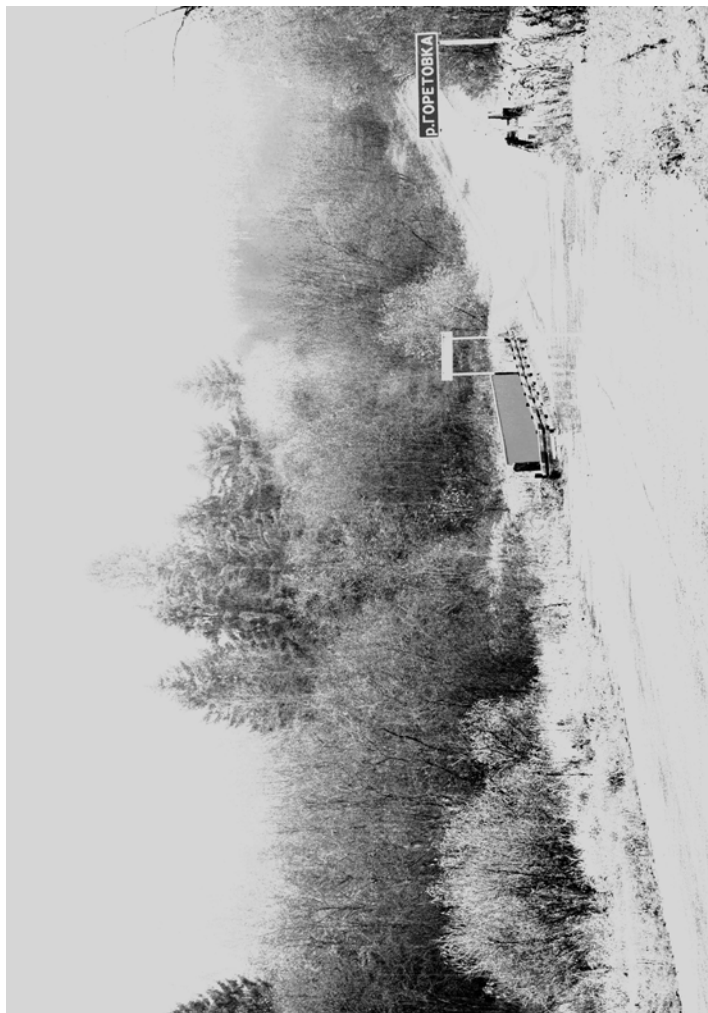

Применение сканера АЭЛТ-2/160

Результаты исследования одного “глаза” “лесного чудища” на двух уровнях дискриминации (среза) выходных сигналов в измерительном канале сканера АЭЛТ-2/160 при нелинейной обработке измеряемых трехмерных данных

Можно видеть, что “глаз” имеет объемное устройство, воспроизводящее устройство глаз живых существ. Эти результаты получены благодаря особенностям данного сканера – предоставлять возможность для человека-оператора (за пультом) видеть невидимое на видимом.

Предположительно эти исследования можно отнести к первым научным доказательствам существования параллельного мира (получены в августе 2000 года).

Энергетический образ того же “лесного чудища”, полученный после нелинейной обработки (с усилением слабых сигналов) наложенных друг на друга 50 снимков (оцифрованных трехмерных данных), сделанных цифровым фотоаппаратом (19 октября 2004 года).

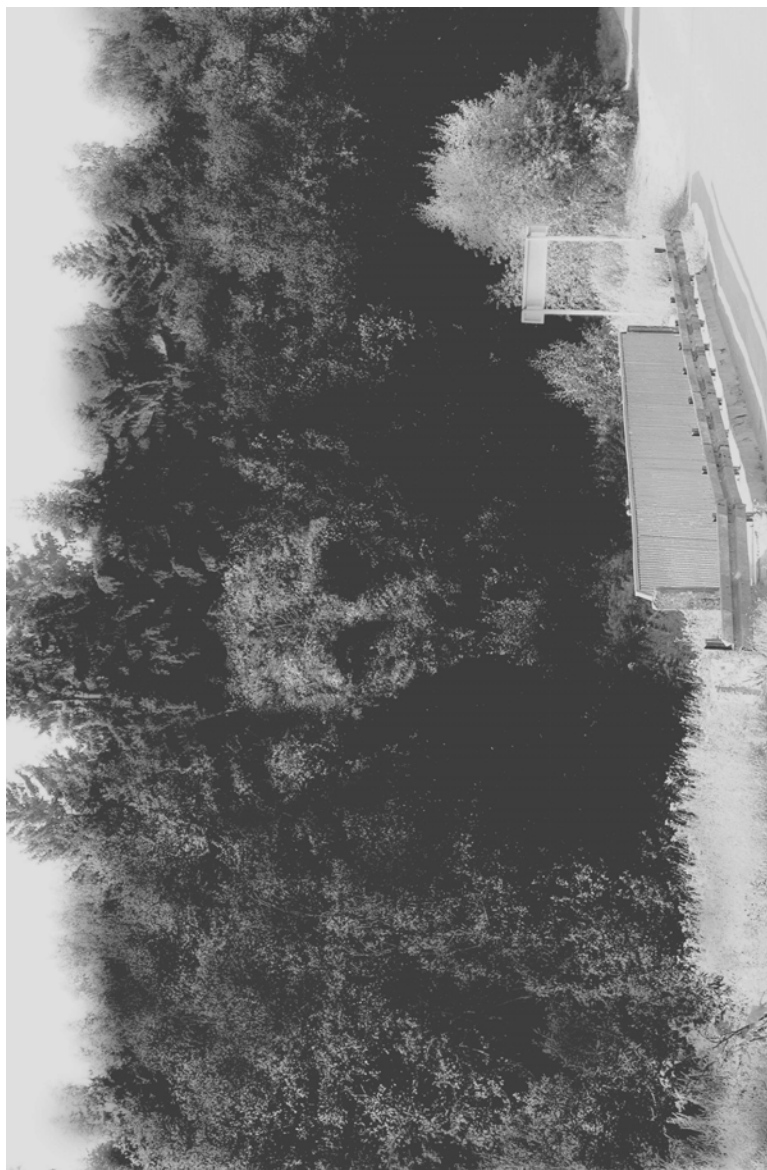

Фрагмент с “малой головой”

В августе 2004 года было получено и исследовано изображение другого “лесного чудища”

На снимке, сделанном цифровым фотоаппаратом, приведено то место, где “чудище” находится (как это место видят те, кто проходят мимо). Затем оцифрованные данные серии из 50 снимков были обработаны в вариантах линейного сложения (см. на следующей странице) и сложения при нелинейном усилении слабых сигналов (см. еще ниже).

Энергетический образ “чудища”, проявившийся в результате линейного сложения
оцифрованных данных серии снимков (август 2004 года).

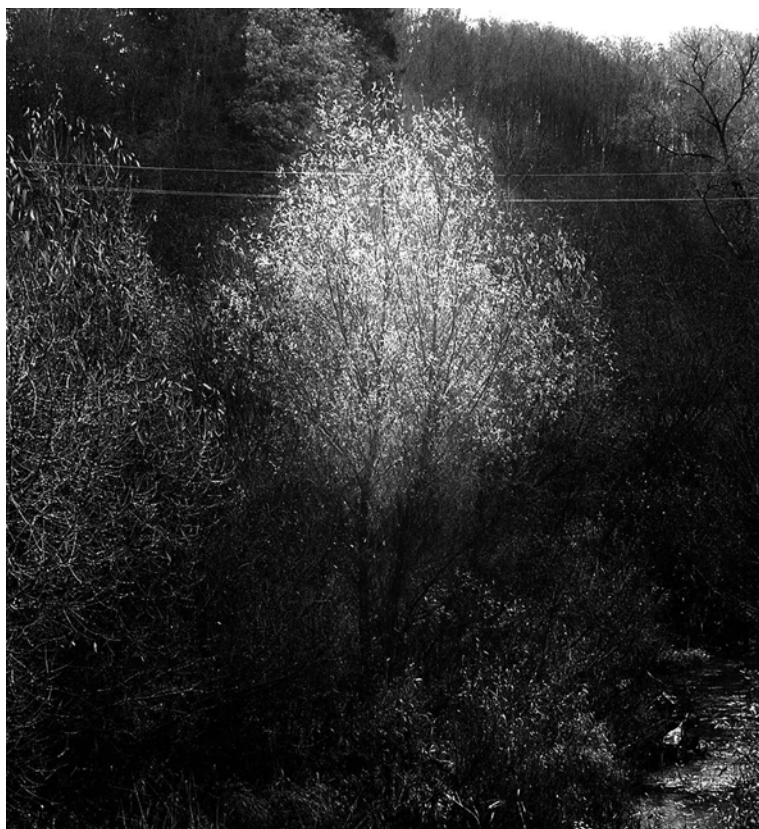
Энергетический образ того же “чудища”,
проявившийся после нелинейной обработки данных
(технология обработки – в книге автора “Оружие одиночества”)
Можно видеть, что, как у Воланда в книге “Мастер и Маргарита”
Михаила Булгакова, один “глаз” “чудища” (слева) – живой,
а другой – черная дыра.

Увеличенный фрагмент (с выделением глаз)

Речка Горетовка (снимок с моста, 19 октября 2004 года)

Фрагмент со светящимся деревом на левом берегу
(после линейного сложения серии кадров)

То же “свещающееся дерево” после нелинейной обработки серии кадров (проявились “глаза”)

Панорама с речкой и “свелящимся деревом” (после нелинейной обработки серии кадров)

Метод B-Synergetic Time Compression

Бельгийский ученый Илья Романович Пригожин (1917–2003), нобелевский лауреат по химии, выдвинул идею самоорганизации порядка из хаоса, включающую три условия: 1) система должна быть существенно нелинейной; 2) она должна находиться в состоянии, далеком от равновесного; 3) она должна испытывать постоянное воздействие “энергетического потока”. Этим он обозначил направление решения задачи, но не решил ее, не решившись ввести в “систему” человека, этот *инструмент* в руках Природы.

Немецкий физик-теоретик Герман Хакен (р. 1927), решая эту же задачу, ввел понятие “синергетика” (Synergetics) и предложил учитывать существование человеческого интеллекта, который он связал исключительно с деятельностью человеческого мозга. Это был важный шаг, и ученый мир оценил его: слово *синергетика* встало во главе бурно развивающегося направления в философии (теперь мы знаем о точках бифуркации и др.). Но до практического применения эта продвинутая теория тоже не дошла. И Хакен честно признал, что “природа гения все еще окутана тайной”.

А мы знаем причину: *материализм ученых* (Пифагор). Обе эти теории, И. Пригожина и Г. Хакена, не учитывают, что в Природе существует еще и параллельный мир (Бог в религиозных доктринах) и что человек взаимодействует с ним. А проявление гения (таланта) связано с тайной *вдохновения* (*откровения* в религии), что немыслимо без движения и энергии (мужского начала) и устремленности к красоте (управления через победы красоты направлением движения, в чем и заключена роль женского начала).

Так появилась модель Вселенной, которая отражает культуру, накопленную опытом как науки, так и религии. И мы говорим, что поиск (как проявление энергии, в частности, в виде движения мысли) должен управляться красотой. Что отражает наше углубление представления о Св. Троице в христианстве. Для научного обоснования модели нам потребовалось найти *параллельный мир*.

На этом и основан наш метод B-Synergetic Time Compression, где “B” означает beauty (красота). Этот работающий на практике метод, позволяющий сжимать время в 10 и более раз при выполнении научных работ, привел нас к исследованиям взаимодействий человека с параллельным миром (духа-интеллекта). Так были найдены такие подходы, как – *не спешить, увидеть и атаковать*.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ЦЕРН (ЖЕНЕВА). СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ РАСПРЕДЕЛЕННОГО НАУЧНО-УЧЕБНОГО ЦЕНТРА

(Фоторепортаж, декабрь 2005 года)

Применение административных информационных систем (электронного документооборота и др.) позволяет значительно, в некоторых оценках – *на порядок*, поднять эффективность использования финансов и интеллекта. В Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария) работы по созданию и применению таких систем проводятся с 1986 года.

С 1995 года в этих работах применяется *русский подход* со “сжатием времени”, основанный на поиске “красивых” решений. Затраты времени сократились в 10 и более раз. В 2005 году мы пошли по пути использования *технологических знаний* специалистов, работающих в ЦЕРН (западных и российских), для построения Distributed administrative information systems hosting – как бы “станции технического обслуживания” такими системами на недорогой лизинговой основе широкого круга заказчиков.

Идея построения такого hosting’a принадлежит американцам, которые вложили в эти работы свыше 100 миллионов долларов. Это позволит им, аккумулируя у себя в базах данных информацию о научных и производственных работах в области высоких технологий со всего мира (так задумано), осуществлять за ними глобальный контроль. Но пока у них не все получается.

Потенциально мы оказались в решении этой задачи, имеющей стратегическое значение, впереди американцев: вся техническая база у нас уже отработана. Для реализации наших возможностей мы хотели бы создать **распределенный научно-учебный центр** со “штаб-квартирой” в Женеве при ЦЕРН, который вложил в эти разработки 50 миллионов долларов и мог бы выступать как научный лидер на простых условиях – поддержки нами его работ.

Для России это означало бы прорыв на ведущие позиции в мире в области создания информационных технологий.

Это напомнило бы также о роли фундаментальных наук и послужило бы примером международного сотрудничества наступающего *нового* времени, в котором будет продемонстрирован “принцип дополнительности” в вопросе взаимодействия культур.

Последнее очень важно для развития процесса глобализации, этого *веления времени*, зашедшего сегодня в значительной мере в тупик из-за непонимания важности следования по *духовному* пути. Что предполагает не возврат в религию (хотя мы и не отрицаем роли знаний в пространствах разных религий), а создание у человека главного в процессе творчества – *настроения*. Как “канала коммуникации” с “космическими силами”. А они – есть.

Участники совещания

Ведущие представители ЦЕРН (Женева):

Кульберг Николас (Koulberg Nicolas) – помощник генерального директора ЦЕРН, ответственный за сотрудничество с Россией; Фергюсон Джон (Ferguson John) – заместитель директора департамента ускорителя и пучков; предложил в 1986 году проект создания в ЦЕРН административных информационных систем, а затем руководил этими работами;

Пурвис Джеймс (Purvis James) – руководитель работами в настоящее время; в 1995 году первым применил *русский подход* с поиском “красивых” решений (метод описан в приведенной выше статье, его основа – *не делать ничего, что можно не делать*; это найти невозможно без *настроения*), что позволило тогда плановую работу по созданию системы контроля финансов выполнить менее, чем за три месяца, вместо намечавшихся двух лет; этот подход применяется теперь для всех разработок под его началом.

Представители России:

Степин Вячеслав Семенович – директор Института философии Российской академии наук, академик РАН;

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, зав. сектором в Институте философии РАН;

Борисевич Валентин Дмитриевич – доктор физ.-мат. наук, профессор Московского инженерно-физического института (государственного университета) – МИФИ (ГУ);

Гаврилов Николай Михайлович – доктор технических наук, профессор, главный ученый секретарь; заместитель директора Института по информационным технологиям в МИФИ (ГУ);

Романов Владимир Витальевич – председатель правления банка “Электроника”, обслуживающего атомную промышленность РФ;

Тулинов Борис Михайлович – кандидат физ.-мат. наук, декан Гуманитарного факультета МИФИ (ГУ);

Шкунденков Владимир Николаевич – доктор технических наук, директор Научного центра исследований и разработок информационных систем (Объединенный институт ядерных исследований, Дубна, – ЦЕРН, Женева) и директор Института по информационным технологиям в МИФИ (ГУ).

В рабочем кабинете Н.Н. Кульберга в ЦЕРН. Слева направо – академик В.С. Степин, В.Н. Шкунденков, Н.Н. Кульберг

В 1994 году Н.Н. Кульберг дал ход работам в ЦЕРН при участии русских специалистов под руководством В.Н. Шкунденкова. Через год в ЦЕРН был применен *русский подход* со “сжатием времени” на основе поиска “красивых” решений. В 2000 году ЦЕРН посетил В.С. Степин и задал вопрос ведущему специалисту Дж. Пурвису: что дало сотрудничество с русскими? Джеймс ответил, что “метод Владимира” позволил многократно сократить затраты времени при выполнении научных разработок. А в 2002 году он в интервью журналу “Business Match” назовет величину “сжатия” времени: 10 раз. Но потребовалась еще эта, вторая, поездка В.С. Степина в ЦЕРН (декабрь 2005 года), когда он признал в “методе Владимира” не просто наличие личного таланта, но – что “тут что-то есть в виде научного подхода”. А это “что-то”, проявляющееся как *нелинейность времени*, возможно, спасет Россию. Это “оно” основано на *красоте* (которая “спасет мир”).

Рабочая группа в составе Н.Н. Кульберга, В.С. Степина, В.И. Аршинова, В.В. Романова, Дж. Пурвиса,
Дж. Фергюсона и В.Н. Шкунденкова

На совещании у Н.Н. Кульберга. Слева направо – Дж. Пурвис, Дж. Фергюсон и В.Н. Шкунденков,
главные авторы проекта построения Distributed administrative information systems hosting

Философы В.С. Степин и В.И. Аршинов в ЦЕРН

Философ В.И. Аршинов интерпретировал результаты исследований В.Н. Шкунденкова, связанные с выделением в Природе четырех начал – женского и мужского, коллективистского и индивидуалистического, как создание *антропокосмической модели Вселенной*.

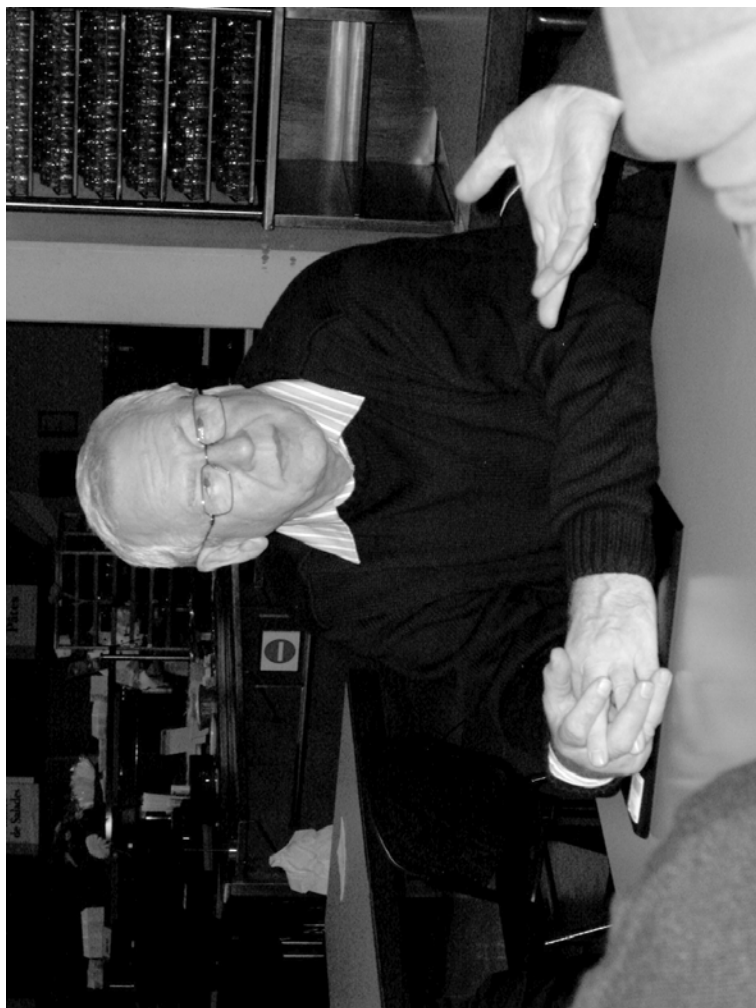

Во время совещания. Слева направо – В.И. Аршинов, В.Н. Шкунденков, В.С. Степин
и представители МИФИ (ГУ) Б.М. Тулинов и В.Д. Борисевич

В.С. Степин на совещании в ЦЕРН

Несколько лет назад, познакомившись с книгой “Москва – старинный город” В.Н. Шкунденкова, он сказал, что ему нравится изложенный в книге взгляд на русский народ как на состоящий из двух частей – проявляющих коллективистское начало (большинство, “никониане”) и индивидуалистическое (следующих философии староправославия, ведущему человека к “космическому одиночеству” и творчеству). О том, что есть такое разделение, говорил еще историк В.О. Ключевский в спорах с Ф.М. Достоевским, признававшим только коллективизм (соборность).

В.Н. Шкунденков (разговор с В.С. Степиным)

На совещании. Джон Фергюсон (научный лидер, слева) и Б.М. Тулинов, создавший в 1999 году в МИФИ Гуманитарный факультет

Н.М. Гаврилов

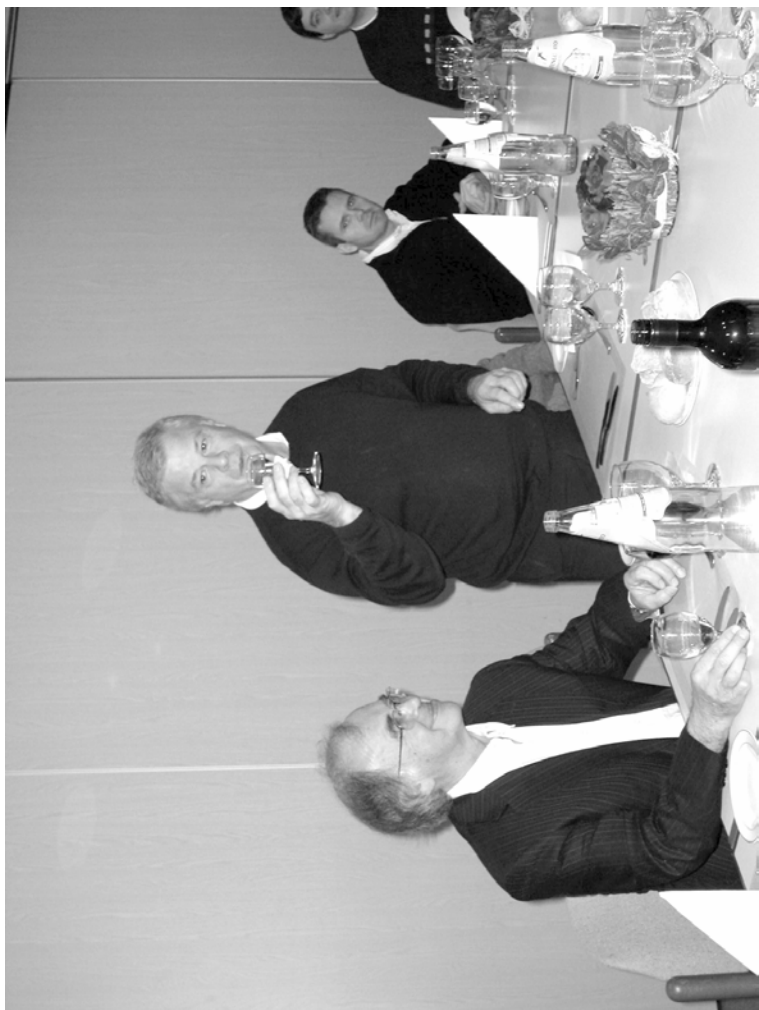
“Умный лис” в МИФИ (в оценке симпатизирующего ему Джона Фергюсона). Как главный ученый секретарь в МИФИ, он знает “кто есть кто”, что позволило В.Н. Шкунденкову при назначении его директором Института по информационным технологиям (2005 год) собрать эффективную “команду”

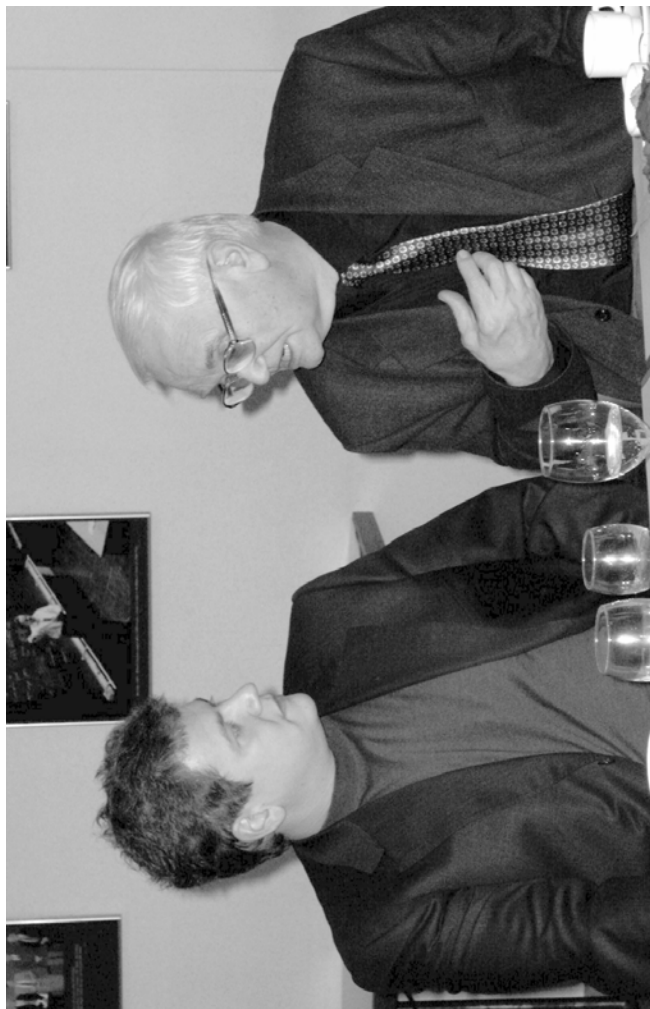
Джон Фергюсон устроил прием в ресторане ЦЕРН
(фото через зеркало)

В ресторане ЦЕРН. Вручение Н.Н. Кульбергу оформленного диплома почетного доктора МИФИ –
Московского инженерно-физического института (государственного университета).
Само избрание состоялось за год до этого.

Джон Фергюсон произносит тост

В.В. Романов (банк “Электроника”) и В.С. Степин
Практическая философия В.В. Романова, создавшего в России один из самых быстро развивающихся банков, включает идею *следования за настроением*. В результате он делает много больше шагов, чем “видят” как необходимое его советники, однако приходит к цели быстрее. Аналогичные идеи развивал на практике нобелевский лауреат в области экономики В.В. Леонтьев (США).

Джеймс Пурвис

Это он первым, в 1995 году, применил “русский подход”, основанный на поиске *красивых* решений и добившийся 10-кратного “сжатия” времени при выполнении научных разработок – системы контроля финансов, учета кадров, электронного документооборота и других.

Метод включает ориентацию на принцип *не делать ничего, что можно не делать*. Его составные элементы – это *не спешить, увидеть и атаковать*. При этом каждый шаг связан со словом *настроение*.

Именно *настроением* можно управлять – через поэзию, музыку, наконец, через *чистую любовь*. Это они воспитывают в человеке *чистую душу*. Но еще нужно не бояться ступить туда, где требуются смелость и отвага. А также нужны философские знания. В частности, о том, что все “выстрелы” по идущему вперед после первого, неожиданного и тяжелого, попадания опаздывают во времени. Для чего ему лишь требуется развернуть свой парус по ветру судьбы.

Куда? – Об этом знают только молчаливые звезды.

Юрген де Йонге

Он долго не признавал “русский подход”, из-за чего был потеснен более молодым Джеймсом Пурвисом. После чего “взялся за ум” и в настоящее время успешно ведет крупную задачу – систему аналитического сопровождения больших проектов (строительство в ЦЕРН нового ускорителя Large Hadron Collider стоимостью в несколько миллиардов долларов).

Соискатели диссертаций (аспиранты) МИФИ, сотрудники ЦЕРН – Джеймс Пурвис, Дерек Матисон, Юрген де Йонге и Ростислав Титов с профессором Валентином Дмитриевичем Борисевичем (третий слева), приехавшим в ЦЕРН для консультаций по написанию диссертаций

Тексты диссертаций должны стать базой для организации учебного процесса в МИФИ (и в других университетах, которые планируется привлечь к сотрудничеству).

На волне *настроения*, поднятой реализацией идеи защиты специалистами ЦЕРН (в их число входит еще Джон Фергюсон) диссертаций в российском университете, и была рождена “сверхидея” – построение Distributed administrative information systems hosting

“Очаровательные глазки, очаровали вы меня...”

Владимир Шкунденков и Людмила Кучугурная

Ее знания программиста, она – кандидат технических наук, и в области финансов проложили в 1994 году дорогу к пониманию первой задачи для “русской команды” в ЦЕРН – контроля финансов, после чего осталось только предложить англичанину Дж. Пурвису “русский подход”. Так в ЦЕРН сложился русско-английский эксперимент по *управлению временем*, основанный на соединении женского и мужского начал в научных работах и приведший ЦЕРН на ведущие позиции в мире в области административных информационных систем. А мы оказались в этом первопроходцами. Теперь, похоже, *пришло время* интерпретаторов. На эту тему см. ниже – в разделе “Философские разговоры”.

“Философский” ресторан в парковой зоне Женевы, где велись разговоры с В.С. Степиным и В.И. Аршиновым. Фоторепортаж вела Мария Вл. Шкунденкова (на снимке)

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗГОВОРЫ

В.Н. Шкунденков

О гениальности Эйнштейна

Дискуссия на эту тему ведется уже несколько десятилетий. И связано это, в частности, с тем, что французский математик Анри Пуанкаре еще за несколько лет до Эйнштейна в своих работах показал, что масса пропорциональна энергии и обратно пропорциональна квадрату скорости света. А Эйнштейн своей знаменитой формулой утверждает, что энергия пропорциональна произведению массы на квадрат скорости. Что, с точки зрения математики, одно и то же. И при этом не сослался на Пуанкаре.

Может ли истинный гений так поступать?

Казалось бы, ответ очевиден: не может. Однако существует один невероятный парадокс: Иисус Христос, самый почитаемый в христианстве философ, возведенный в ранг богочеловека, тоже не сказал ничего нового. Его единственная заповедь: “Возлюби ближнего своего, как самого себя” (как замена заповеди Моисея: “Око за око, и зуб за зуб”) – не является оригинальной. О ней было сказано в учении Каббала, созданной по меньшей мере за две тысячи лет до Него, предположительно, жрецами Древнего Египта. И Он должен был говорить об этом. Но Он не говорил.

Но мы не можем считать Иисуса Христа не гением. И так не считаем. Ибо его влияние на историю человечества столь значительно, что, согласитесь читатель, подобное сомнение к Вам никогда просто не приходило...

Выходит, можно быть не оригинальным, но – великим? Даже стать выше всех других великих?

В этом смысле мы приходим к *оправданию* Эйнштейна как признанного гения. Гения по влиянию на историю. Что, возможно, позволит нам раскрыть некую тайну, объяснимую при рассмотрении нашей антропокосмической модели Вселенной.

Суть этой модели заключена в исходной идее о том, что человек является лишь *инструментом* в руках неведомых сил, управляющих во Вселенной. И все оценки создаваемого нами надо вести не в суждениях человека о человеке, а в оценке от этих сил.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что без огромной поддержки, которую Эйнштейн получил со стороны своего “избранного народа” (ориентированного на женское начало и коллективизм), его идеи не получили бы столь широкой известности и влияния. Но для высших сил в Природе, похоже, все это не имеет никакого значения. Более того, если исходить из нашей модели Вселенной, для того ею, Природой, и был создан “избранный народ” как инструмент реализации коллективистского начала, призванный производить широкомасштабные преобразования Вселенной.

Зачем все это? Это нам, выступающим в роли разных инструментов, кажется, не сочли нужным сообщить. Или просто забыли.

К сказанному добавлю замечание, проявившееся в разговорах с В.С. Степиным. А именно: формула Эйнштейна почему-то “смотрится”, в то время как формула Пуанкаре, та же с точки зрения математической сущности, наоборот, “какая-то громоздкая”.

Тут мы подходим к роли интерпретатора. Да, Эйнштейн может быть отнесен к этому отряду, в который на самом дальнем его краю входят и все школьные учителя. Но мы не можем не защитить интерпретатора такого уровня, как Эйнштейн, ибо он – поэт. “Е равняется эм це квадрат” – это же *музыка*!

А у Пуанкаре? “Эм равняется Е, поделенной на це квадрат” – звучит так, как и многое другое, что мы зазубривали в десятках раз перед сдачей экзаменов в “самое несчастное” время нашей жизни – экзаменационных сессий. И в тот же час забывали.

Нет, тут *что-то есть*. Есть та самая тайна поэзии, которая – необъяснимая, как все прекрасное, – отличает, например, поэзию Есенина (“Пой, ямщик, вперекор этой ночи...”) от утонченно-умной, да еще к тому же проникнутой общественной значимостью поэзии какого-нибудь признанного лауреата... Не называю имен, чтобы не попасть под град камней, а вместо этого укажу, склоняясь, имя другого интерпретатора-гения – Моисея, чье влияние оказалось, осмелюсь утверждать, равным Иисусу Христу.

Моисей вошел в историю как истинный (подчеркиваю) поэт. Что, однако, не скажешь об Иисусе. Но Он был распят – *сам* принес себя, тоже интерпретатора, в жертву, подняв свой голос именно тогда, когда это было *так нужно*.

Кому нужно?

Похоже, Тому, Кто, собственно, и делает оценки наших деяний, решая – назвать тебя гением (к гениям могут быть отнесены и первопроходцы, и интерпретаторы) или же только учителем.

«Нематериальное» выражение слова

(О силе “аккомпанимента” к слову-оружию)

Известно теоретико-литературное положение о главном элементе морфологии литературной речи. Оно принадлежит М. Горькому: «Язык – первоэлемент литературы». Строго говоря, мысль эта верна, ибо язык определяет всю структуру литературного текста. С другой стороны, наука, уже давно вступившая в стадию материалистической философии, считает, что первоэлементом любого типа сознания, в том числе и художественного, является мысль. Но горьковская формула замечательна своим универсализмом и ориентацией на подлинную специфику художественного творчества. К тому же она и не противоречит известной формуле немецкого философа-эстетика А. Баумгартена (18 в.), который говорил о конкретно-чувственном характере красоты и всех ее высших форм, выраженных в художественных типах сознания. Традиционная трактовка этой проблемы давно вычленила из всех слагаемых конкретно-чувственной материи слово, оставив за ним, так сказать, зрительную специфику восприятия: «конкретно-чувственно» то, что осязаемо зрением и другими органами чувств. Эту теорию немецкого эстетика многие художники воспринимали именно в указанном смысле, и получалось так, что слово исчезало из реестра конкретно-чувственных элементов прекрасного: не принимать же графическое представление текста за эстетику как форму красоты. Поэтому у многих художников возникало недоверие к способности слова полно и детально выразить предмет мира.

Не случайно так популярны были, особенно в русской художественной среде, слова Ф. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Эти слова очень любил Л. Толстой, полностью солидаризируясь с ними. К этому его побуждала, в частности, специфика портретных характеристик в его романах и повестях. Очень часто он прямо указывал на неспособность слова выразить все оттенки

поведения и внутренних качеств человека. И он как бы торопился разъяснить смысл художественного характера, говоря музыкальными терминами, стремился аккомпанировать словесному описанию этого характера. Так, в одном из романских эпизодов Толстой выводит тип офицера, который обращается к своему полку при приближении генерала с уставным возгласом «Смирно!». Дальше следует то, что я назвал аккомпанементом, расшифровкой содержательного смысла интонации полковника: в этом возгласе слышна была любовь полковника к своим солдатам, уважение к генералу и слабость к женскому полу. Складывается впечатление, что эти слова написал не романист, а театральный режиссер, объясняющий актеру столь необычную смысловую интонацию.

Вот другой пример из Толстого же. Наташа Ростова пишет письмо князю Андрею. Она писала долго и вдруг поняла, что это ее занятие бессмысленно: она не может выразить и сотую долю того, что могла бы выразить жестами, движением головы, улыбкой и другими пантомимическими средствами.

Еще один пример, опять-таки из Толстого как главного поклонника тютчевской формулы. Нехлюдов (из «Воскресения») встречается со своей сестрой, и они долго и оживленно разговаривают между собой, вдруг понимая, что напрасно это делают: они вдруг почувствовали, что говорят совсем не то, что содержится в глубине их сознания. И это несоответствие между внешней и, так сказать, внутренней формой общения тоже свидетельство признания Толстым несовершенства словесного общения.

В различении внешнего, словесного, и внутреннего, не получившего, но предполагаемого, словесного выражения, строятся многие композиционные структуры произведений. Так, в толстовском романе «Анна Каренина» Бетси говорит Анне: «Я всегда удивляюсь ясности и точности выражений вашего мужа. Самые трансцендентные понятия становятся мне доступными, когда он говорит. — О, да! — сказала Анна, сияя улыбкой счастья и не понимая ни одного слова из того, что говорит ей Бетси».

Подобные примеры филологической интерпретации текстов, строго говоря, тоже свидетельствуют о признании писателем внесловесных форм общения. Это тоже своего рода аккомпанемент. Подобное неуважительное отношение к горьковской формуле есть, по сути дела, признание необходимости и в словесном творчестве прибегать к указанной выше музыкальной терминологии.

Оружие космического одиночества

Сказано: “Время разбрасывать камни, и время собирать камни...” Собирать камни поручено *свыше* “избранному народу”. Соответственно ему же требуется решать сложнейшую задачу – *со временем*. Что просто невозможно без проявления таланта: найти время, когда *надо* “собирать”, а затем время, когда *надо* “разбрасывать”, одним лишь умом невозможно.

Но вот все сказанное выше о Моисее, Иисусе Христе и Эйнштейне позволяет нам задать вопрос: может ли талант быть одинаково высоким как при “собираании”, так и при “разбрасывании”? Т.е. при интерпретации чего-то уже найденного и до этого – при первопрохождении, когда еще только предстоит найти “нечто”?

Уже исходя из того, что все три истинных гения человечества в нашем видении относятся не к первопроходцам, а к интерпретаторам, ответ здесь такой: это невозможно.

И что же делать? Ведь власть-то, как и положено для решения задачи с широкомасштабным преобразованием Вселенной, должна принадлежать именно интерпретаторам. Для чего они должны обладать вполне определенными качествами.

И они этими качествами действительно обладают и властью – тоже. Но этого, как показывает многовековой опыт истории, еще недостаточно. Надо иметь в числе инструментов еще и первопроходцев, способных увидеть, что яблоко всегда падает на землю, или же таблицу Менделеева. Наконец, что масса равна энергии, поделенной на квадрат скорости света. А это уже нечто совсем другое: это то, чего до этого еще не было.

И вот тут на помощь приходит то, что написано в Каббале еще египетскими жрецами. А там написано, что *Красота*, устремленность к которой и ведет нас по дорогам судьбы, это не только Сила или Строгость (из чего, как это видится, и возникла идея Справедливости, нашедшая выражение в поэтическом “Око за око, и зуб за зуб”), но также – Милосердие или Великодушие.

К кому относится последнее? Едва ли я сделаю ошибку, если скажу: к таким, как я, мыслителям-одиночкам. Космическим одиночкам. Ничем не защищенным перед коллективистской силой. Но зато способным быть первопроходцами.

И это на меня должно быть обращено их милосердие или великодушие. Иначе нечего будет интерпретировать.

А вот здесь мы подошли к тому, о чем человечество, кажется, никогда еще не говорило: как представитель племени одиночек, я *не хочу* ни милосердия, ни великодушия по отношению ко мне со стороны *их* “строгости” и “силы”. Ибо это – то же рабство.

Но могу ли я рассчитывать на то, что меня поймут? По опыту, и не только моему, но и других, куда должно включить и “опыт” Иисуса Христа, здесь все не просто. И оружием защиты для нас является прежде всего все то же *время*. (Откуда, несколько изменив сказанное Корнеем Чуковским: “В России надо жить долго”.)

Но к этому, освященному многовековым опытом, я мог бы добавить *нечто новое*, что не нашли ни жрецы, казалось бы, сказавшие обо всем, ни все вместе взятые мудрецы из числа “избранных”: у одиночек-творцов есть оружие вселенской силы, применение которого прокладывает путь к *свободе истинной*. Что позволяет не рассчитывать на милосердие и тем более на великодушие, а быть – личностью. Можно даже сказать – “богом”.

Раскрою эту тайну. Оружие, а в данном случае это не “броня философии”, но именно – оружие атаки, создается для его применения. Его особая сторона – невидимость. В чем-то оно схоже с молитвой, ибо включает *прямое* обращение (с готовностью принести себя в жертву во имя светлой победы) к Высшим Силам.

Но в отличие от молитвы, вызывающей к Богу для изменения своей судьбы через Его обращение внимания на молящего, в нашем подходе речь не идет о спасении, а о – *победе*. Что может включать обращение об *уничтожении* некой “нечистой силы”, но при этом, если не уверен до конца (а мы почти никогда не знаем, была ли направленная против нас сила именно “темной”, то есть отражающей человеческое, или же ее проявление было “знаком свыше” о необходимости что-то изменить в своих делах), то надо просить безадресно, только – о победе. Не забывая о своем месте.

А это место там, где и вершатся поэзия и наука. Где ищется *новое слово*. Ищется через *настроения*, которые нисходят на человека через “коммуникативные каналы” со Вселенной, главным условием формирования которых является – *чистая душа*.

13 февраля 2006 года. Москва. Десять дней назад, когда книга эта была закончена, судьба свела меня с одним человеком, доктором физико-математических наук, профессором, генералом-майором авиации, ныне – глубоко верующим человеком, читающим лекции российским военным на тему о православии. Он прочел две мои книги и нашел, что я – глубоко заблуждающийся еретик. Но что меня еще можно исправить. Так, через него, мне в руки попала книга религиозного философа Владимира Лосского (1903–1958) “Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие” (М., 1991. – 288 с.). Я был потрясен. Оказалось, что наша *антропокосмическая модель Вселенной* выражает все, что человечество искало и нашло, создав христианскую религиозную философию. Но есть и отличие: мы говорим не только о важности смиренного восприятия человеком самого себя (главное, к чему призывает христианская религия), но также о требовании *атаковать*. Ибо “Бог” у нас не самодостаточен (имеет все), но *чего-то хочет* от человека для развития Вселенной. И тут возникает проблема **великодушия и милосердия**.

П.А. Николаев

Богатство всякого национального языка, в том числе и русского, состоит в способности слова выражать множество смыслов и эмоциональных оттенков. Более того, слово располагает возможностью перевести смысловую задачу из одной сферы в другую, что иногда кажется неожиданным, даже неправдоподобным. Но внимательно вглядываясь в эти смысловые переходы, чаще всего начинаешь осознавать их закономерность.

Лингвистический словарь определяет слово «великодушие» как «наличие высоких душевных качеств». Но, рассматривая семантическую структуру этого слова в расширенном контексте, можно заметить его причастность не только к языковым свойствам, но и философским, искусствоведческим и вообще методологическим формам познания. На основе указанного выше «перевода» одной смысловой функции в другую с помощью слова «великодушие» можно понять природу научного знания. Теоретики искусства и искусствоведы сравнительно недавно предложили использовать данное слово, распространяющееся на сферу нравственных качеств, для дифференциации методов искусствоведческого изучения художественного материала.

Подобное использование, в частности, помогает определить границы между такими фундаментальными дисциплинами, как искусствоведение и литературоведение и вообще все историографические типы знаний и взглядом на художественный феномен с точки зрения его современного бытования, то есть с позиции художественной критики. Историческое исследование, скажем, в живописи или анализ литературно-художественного произведения обладают как раз тем специфическим качеством, которое можно назвать великодушием. Так, даже когда в сферу внимания исследователя попадает современный ему художественный материал, он начинает рассматривать его в контексте текущего времени с его многочисленными культурологическими, социологическими и иными моментами. К этому следует добавить личные, социальные, эстетические и подобные пристрастия и вкусы. Становится очевидным, что абсолютной объективности в характеристике замеченного художественного факта искать не приходится, и, стало быть, никакого великодушия в своей оценке в этом случае объект не получает. Идет процесс критической интерпретации объекта, где невозможно достигнуть абсолютной адекватности объекта и суждения о нем интерпретатора. Вот так и определяются границы, скажем, между литературной наукой и литературной критикой.

* * *

Слово *милосердие* еще более интровертно, чем *великодушие*. Здесь, кажется, достигается предельное проникновение в сферу человеческих чувств, максимально отданных другому человеку. Человек в своем самочувствовании растворяется в другом, это слово звучит как характеристика почти религиозного сознания личности. Вообще в «атмосфере» данного слова чувствуется религиозное начало, дыхание самоотдачи, кажется, доведенного до крайнего морального императива. Рефлексия подобной самоотдачи в данном случае так универсальна, что ее можно спроецировать, дифференцируя ее слагаемые, на весь многообразный мир человеческого существа, и мир человека как бы становится всечеловеческим миром. Дополнительной опорой такому значению слова служит его фонетическая окраска. В структуре слова чувствуется динамизм, активное функциональное побуждение личности к деянию.

Мой “аккомпанемент” к словам *великодушие* и *милосердие* не будет совпадать с тем, что изложено в тексте П.А. Николаева. Моими задачами являются не эстетические исследования духа русского языка, а *применение* слова-оружия (в данном случае мы говорим о двух словах) в пространстве более широком, чем это охвачено религией – во всяком случае, нашей православной.

Если разобраться, православие призывает исключительно к спасению души человека через избежание двух грехов – гордыни и уныния. С одной стороны – ограничения сверху, а с другой – снизу. Зачем нужно спасение? – спросил я. Ответ был: чтобы душа не мучалась перед смертью и после нее. С объяснением, что это – страшные мучения.

При этом, как я понимаю, человек должен думать *о себе*. И это обеспечит – если все станут на этот путь – спасение не только тебя лично, но и нашей переживающей кризис родины – России.

А я, еретик, не принимающий предложенный православием путь (личного спасения), оказывается, не служу России.

На этом месте моему оппоненту пришел конец. Мне надо было задать лишь один вопрос: а сколько на это, чтобы *все* перешли на путь спасения самого себя, потребуется времени? И что за это время станет с Россией?

Похоже, я был первым, кто задал ему (оппоненту) этот вопрос, где ответ совершенно очевиден. Он ответил, греша унынием, что за это время *женская православная* Россия, наверно, погибнет...

У Владимира Лосского дано прекрасное объяснение различия между католическим миром (в общем случае – Западным христианским, этот диалог возник еще до появления протестантского учения) и православным в вопросе доказательства существования Бога. Католический мир ищет положительные доказательства Его существования, а православный – то, что не может служить доказательством Его существования и на этом приходит к тому, что существует *нечто*, что отбросить уже нельзя. Так можно прийти к *Красоте*, которая и служит доказательством (нематериальным) существования чего-то иррационального, не постигаемого нашим разумом, но существующего тем не менее в Природе.

(Это же отражено и в нашем *русском подходе* к управлению временем в научных работах: “не делать ничего, что можно не делать”. И на этом пути найти *красоту*.)

Но вернемся снова к диалогу с оппонентом. Согласившись с тем, что православный путь, теоретически ведущий к спасению России, на практике эту задачу решить не может, он вынужден был задуматься: а где же выход?

Тогда я предложил ему ответить еще на один вопрос: видел ли он в лексиконе православия такие слова, ему, русскому офицеру прекрасно понятные, как *смелость* и *отвага*? Таких слов там нет. Ибо для достижения смирения они и не требуются. А нужны для другого – *атаки*. Когда ты заботаешься не о себе (на этом пути в бою ждет неизвестное), но – о победе. Не думать! Только вперед! Это знал и учил этому Александр Суворов. (Как ни странно, но мне вспомнилось сейчас, что об этом же говорил и Карл Маркс, которого мы сегодня не очень-то любим. Но что-то заставляет со временем пересматривать некоторые наши взгляды...)

А в атаке возникает другое слово – жертвенность. Так неужели же, если я думаю не о личном спасении, а приношу свою жизнь в жертву, и эта моя жертва связана с тем, что я *сокращаю время* спасения моей родины, а на самом деле служу чему-то еще более высокому во Вселенной – в этом предназначении России и русского духа у меня нет ни малейших сомнений (об этом написано во всех моих книгах и здесь я повторяться не буду), – так неужели же я не могу рассчитывать на то, что обещает православие, а именно – на спасение моей души? И буду мучиться, я – простой солдат моей Родины, идущий в атаку за ее будущее и, возможно, погибнувший в этой атаке, – когда буду умирать или на том свете?

Что ж, если так, да будет так. Но я все равно пойду в атаку. И пусть мне будет лишь одна награда – любовь. И я знал ее.

А вы, построившие безумно дорогой храм Храм Христа в то время, когда наши русские люди погибали от бедствий в разрушенной великой стране, если хотите, называйте меня еретиком.

Мне нельзя жаловаться на свою судьбу, если не считать, что она не отделена от судьбы моей Родины, и ко мне со стороны торжествующих над нашей жизнью сил было проявлено милосердие – не ценить данной нам свободы ездить по всему миру и (мы это уже просто не замечаем) говорить по телефону со всем миром я, говорю об этом с искренним чувством, не могу, – но не менее искренне ощущаю, и это, видимо, знамение нашего времени, что я *не хочу* ни милосердия, ни великодушия от *кого-то*. Я должен иметь возможность *взять свободу*. Для чего и дано нам оружие.

И этого прощающие нас, похоже, еще не знают. “Иду на вы...”

25 февраля 2006 года. Москва. Личность А. Эйнштейна, гения-3 еврейского народа (после Моисея и Иисуса) и нашего современника, во всех своих противоречиях вызывает неубывающее желание понять его. И понять не с точки зрения того отрицательного, что, как доказывают настроенные против него весьма умные и компетентные авторы-ученые, в нем существовало, но нечто иное – то, что *почему-то волнует*, вопреки доказанному негативному.

Под этим углом зрения мной был задан вопрос моему другу-философу Владимиру Аршинову, когда ровно десять дней назад я получил в свои руки еще теплый экземпляр этой моей книги и мы встретились с ним на Полянке. Я изложил ему мой *новый* взгляд на гениальность Эйнштейна. Мы шли в сторону церкви Николы в Пыжах на Большой Ордынке (свое название церковь получила от имени стрелецкого военачальника времен молодости царя Петра), где у меня была назначена встреча с признанным в Германии русским профессором-филологом Юрием Ивановичем Архиповым, тоже для передачи книги. Морозный день (под минус двадцать), пробивающийся сквозь облачную пелену солнечный свет, чистый на редкость снег под ногами. Мы увлеклись разговором об Эйнштейне так, что я даже забыл надеть перчатки. Аршинов обещал прислать мне в Женеву, куда я уезжал на следующий день на короткое время, рассчитывая, однако, успеть съездить в Германию, в университет Фрайбурга, свои мысли о гениальности Эйнштейна. Тут он напомнил мне, что помимо формулы о связи энергии и массы, о которой мы говорили, у Эйнштейна есть еще и другая заслуга – в вопросе о времени. Так появился следующий текст.

В.И. Аршинов

Оценивая вклад А. Эйнштейна в современное научное познание, особенно в контексте его сопоставления с вкладом А. Пуанкаре, следует также учитывать «философское измерение» проблемы. Дело в том, что именно Эйнштейну мы обязаны переоткрытием категории времени в ее междисциплинарном статусе – теоретическом и экспериментальном, если иметь ввиду естествознание, а также – философском, если иметь ввиду восходящую к грекам традицию иудео-христианской европейской культуры. Опираясь на восходящую к Галилею традицию использования мысленного эксперимента в познании, Эйнштейн, руководствуясь свидетель-

ствами электродинамики Максвелла-Лоренца, лишил время статуса априорной, независимой от человеческого опыта, категории, открыв тем самым путь к его *метаобъективации*, как категории субъект-объектного становления современной постнеклассической науки. Подчеркну, что именно в контексте этого *становления времени постнеклассической науки* становится возможным осмысленно говорить об управлении временем во Вселенной.

В.Н. Шкунденков
(комментарий к тексту В.И. Аршинова)

Если читающие эту книгу могут подумать, что написанное выше философом-профессионалом должно быть понятно каждому, кто захочет, например, в будущем заняться управлением временем во Вселенной, то мой комментарий может оказаться очень даже к месту: признаюсь, что я ничего не понимаю.

Но ведь и вопрос был о другом – о гениальности Эйнштейна. И вот тут я хотел бы сказать *нечто*, о чем приведенный текст не смог передать. А именно – об “аккомпанементе настроения”, который прозвучал для меня тогда, когда мы шли по скрипящему под ногами снегу к церкви Николы в Пыжах.

Откуда это *тепло* в мягком и во многом неуверенном тоне разговора об Эйнштейне, который шел от Аршинова, когда он на своем птичье-профессиональном языке философов высказывался в защиту вклада спорно-великого ученого в вопросе о времени?

Спорного уже потому, что еще никто не подтвердил экспериментально, что после полета в космос он вернулся оттуда молодым. А великого почему? Только ли потому, что его имя так вознесли другие?

Но в моей жизни был и другой пример – Норберт Винер, автор кибернетики и тоже еврей. Которого тоже вознесли до небес. Но о котором я с самого начала думал крайне скептически, ощущая фальш в его “романтическом” взгляде на компьютер. Хотя и тут вижу нечто положительное: это – привлечение интереса молодежи к распространению этих технологий. Пусть даже и на “мифе”.

Однако с Эйнштейном и временем, по ощущениям, что-то не так. Или же я тоже все-таки оказался в сетях еще одного мифа?

Похоже, я все же знаю, что тут “не так”. Ведь если компьютер – это лишь усовершенствованная лопата, то *время* – это уже не лопата. И не метла, хотя оно тоже летит и им можно управлять.

27 февраля 2006 года. Москва. Филолог Юрий Иванович Архипов обещал написать свой текст как ответ на поставленный мной вопрос о наличии рамок в христианской религии, в пространстве которой я не нахожу таких слов как смелость, отвага и атака. Что, на мой взгляд, говорит о том, что религия, призывающая человека к смирению, тем самым не требует от него восприятия Бога как *ждущего* чего-то от человека.

Получается, что Богу ничего не надо. Иначе говоря, Вселенная не ждет от человека участия в ее развитии. С чем мне, русскому по духу, а значит – ориентированному на устремленность к красоте и безграничной широте души, соглашаться *не хочется*.

Похоже, мои слова ввергли Ю.И. в некоторое смущение, и он, *глубоко верующий православный человек*, заявил, что напишет текст, основанный на его понимании Евангельских истин (которые в его представлении предельно конкретны, а все кажущиеся в Евангелии противоречия – мнимы). Так, не отрицая в христианской религии призыва к человеку быть смиренным (“...подставь другую щеку”), он утверждал наличие в евангельских текстах и требований дать отпор при оскорблении веры, а также – при нападении на отечество (Александр Невский: “Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет”; по словам Ю.И., эти слова были взяты князем из одного из Евангелий; я знал, как и все, эти слова, но не связывал их со священными текстами).

И все же: где здесь указание на то, что человек должен служить Богу? Что Богу что-то надо от человека *для Себя*? Что и должно бы было служить доказательством того, что человек создан не просто так, но для чего-то, что выходит за рамки предела спасения души (забота о благополучии на том свете) и служения отечеству. И что он (человек) является – как мне это видится – еще и *инструментом* у Бога для решения Его задач. Предполагая, что эти задачи должны быть связаны с развитием Вселенной.

А это ведет к появлению иных требований к человеку, нежели прописываемых нам Церковью, именно – не покаяния (как нам об этом твердят на всех углах), а смелости и отваги и готовности жертвовать собой. Что наводит и на такую мысль, что если Иисус Христос принес себя в жертву, то это не во имя пресловутого спасения человечества, а как пример-призыв к борьбе за Его цели. К которым ведут борьба (движение) и поиск Красоты.

Ю.И. Архипов выслушал меня и обещал ответить письменно.

Свой ответ я построю в виде изложения моего взгляда на православный завет парадигме будущего.

В выделенных Юрием Боровым **парадигмах эпох** (не впервой выделенных, но это не имеет значения, как верно подметил Владимир Шкунденков из примера связки Пуанкаре-Эйнштейн), бросается в глаза одно: все эти модели вопиют о своем модернизме. Если понимать под модернизмом деструктивность, дисгармоничность, возникшую в результате переноса центра тяжести с общего, целого на что-то частное, иногда периферийное, пусть и представляющееся в данный момент доминантным. Однако “эксцентрика хороша, когда сохраняется память о центре” – сказал кто-то из наших мудрых кинорежиссеров, не то Козинцев, не то Калатозов.

Искомая модель будущего может быть только гармонией. Для которой губительна выделенность и перенагруженность любой из лемм дилеммы. И на слегка ошалевшем под старость Западе (безумие политкорректности очевидно даже ребенку) начинают понимать, сколь губельно однобокое качание прав – например, пресловутых “прав человека” вне рамок его обязанностей, в отрыве от общей (традиционной) системы ценностей.

На выручку придет пронизанное православием русское сознание. Дабы сбылись пророки – от монаха Филофея (“Москва – Третий Рим, а Четвертому не бывать”) до Даниила Андреева (“Роза Мира”).

Основа этого сознания, онтологически питающегося диалектикой троичности, – тождество мысли и жизни, всеединства, в котором субъект не мыслим вне объекта, человек – без Бога, как и Бог – без человека.

Тут Бог – не начальник-контролер, издающий указы и приказы, назначающий премии и штрафы. И отношения с Ним не арифметичны. Идея индульгенции не могла возникнуть на русской почве. Как и идея протестантской этики, по которой Божья милость имеет свой земной, материальный эквивалент. Русский парадоксалист понимает, что Божий любимец может быть отмечен и страданием, болью. Потому что отношения человека и Бога не абстрактны здесь, а всегда живы, родственны, почти семейны.

“Господи, я верую, – говорит русский человек вместе с Есениным. – Но возьми в свой Рай мой пронзенный стрелами дождевыми край”. И понимает: уже взял – если Рай вообще возможен. Потому что Рай здесь сведен на Землю в нерасторжимом, сладостном, брачном Тожестве.

Вообще эти – перспективные для мира особенности русского сознания лучше всего показать на примерах не из катехизиса или богословских трактатов, а из творчества самых популярных “наирусейших” русских поэтов, внешне далеких от бытовой воцерковленности. “Купола в России кроют золотом – Чтобы чаще Господь замечал” – пел совсем еще недавно Высоцкий. Не готические пирамиды, устремленные “туда, туда” (Гете), в ноуменальное, а теплые огоньки, свечки, притягивающие взор Господен – родного, бесконечно милого существа.

У Бунина, имеющего “имидж эротомана”, почти язычника, находим предельно выраженные православные поэтические декларации (которые можно поставить рядом с пушкинскими опытами поэтического завещания: “Напрасно я бегу к Сионским высотам” или “Отцы пустынноики и жены непорочны”). Хотя бы такое восьмистишие:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
“Был ли счастлив ты в жизни земной?”*

*И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав,
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.*

Всяк человек – блудный сын перед Господом, он и не может быть никем иным после адамова грехопадения. И что бы он не делал – как бы не соблюдал правила и “приличия”, обрядом вмененные, спасен он может быть только милосердием Божиим. Но чтобы его проявить, Господь должен увидеть лицо человека, к Нему обращенное. Ведь Он дал человеку свободу. Человек волен и отвернуться, отвратить лицо свое от Господа. Что он сплошь и рядом и делает. “Много званых, да немного избранных”.

В этой притче о блудном сыне – одной из важнейших в Евангелии – западный человек напоминает по большей части старшего, “положительного” сына, усердного трудолюбца, а русский – младшего, бродягу, пришедшего к Отцу через покаяние.

Однако ж “не заковать в меру трепет Вселенной” (Хлебников). Истина, Добро, Красота даются только Любви, а не Закону. Любви со всеми ее нерасчлененностями и парадоксами. “Я есмь Истина, и Жизнь, и Путь”. Все прочее – промеренное, взвешенное, холодно механическое – от лукавого.

Заклученная в православии стихийно-интуитивная диалектика Бого-Человечества и представляется тем “светом с Востока”, о котором грезили и грезят и наиболее проникновенные поэты, и мудрецы Запада.

А в стяжании света, по Серафиму Саровскому, и состоит предназначение человека. Света – то есть Спасения. Спасения, однако, не как “платы” за определенный объем духовной работы. А как милосердного акта Любви, направленной к усилию, снисходящей к упованию.

Поэтому, строго говоря, главным, стержневым понятием православного благочестия (как этики поведения) должно было бы быть не Спасение, как в казенных изложениях катехизиса, а Служение. В акценте на Спасение слышится отзвук иудаистского объективизма. Не нам решать, спасет ли нас Господь. Предоставим Богу – Богово. Лучше сосредоточимся на том, чтобы послужить Ему. То есть обратимся лицом своим в Его сторону. Построим свою жизнь как предстояние перед Ним.

Думается, в этом ощущении живой с Ним связи (несколько омертвеваящей в западных регламентациях и тарификациях) и состоит будущий вклад русского сознания в синклит глобализационных усилий по упорядочиванию земного хаоса во имя спасения человечества.

Не сухая, умственная диалектика препирательств тезиса с антитезисом, а полноправная жизнь духа – как личностное участие земного человека в космических битвах Добра и Зла. Ведь “поле битвы – сердца людей” (Достоевский).

В условиях нарастания на Западе аспазии и энтропии, обеспеченных торжеством вульгарного материализма, православное чередование аскезы и праздника призвано вернуть живой ритм осмысленной человеческой жизни. Ритм, в котором слышится божественная Музыка Мироздания.

Юрий Иванович так и не ответил прямо на вопрос: нужен ли Богу человек для решения каких-то Его, Бога, задач? И все же в его тексте явно выражено несогласие с официальной установкой на воспитание в человеке стремления к спасению через смирение.

Не спасение, а – служение! Это уже вызов. Будет ли он за это причислен отцами Православной Церкви к племени “новых еретиков”, решать не мне. Сам он, судя по первым словам его текста, считает возможным такое развитие православной традиции. Однако это далеко не просто “развитие”. Это – революция.

Правда, Ю.И. назвал слово “служение” в *голом* виде, без того самого аккомпанеента к нему, в котором должен бы был прозвучать, как звучит в героических симфониях финальный аккорд, главнейший вопрос о Боге: нужно ли Ему что-либо от человека?

Я считаю, что – нужно. И это то, к чему православие должно будет повернуться “лицом своим”. Что, возможно, приведет к рождению какого-то *нового* учения о мироздании, вышедшего из православия и шагнувшего дальше.

Впрочем, дальше ли? Не будет ли это лишь переоткрытием того, что стало известно еще жрецам Древнего Египта, создавшим учение Каббала? Ведь, если судить по имеющим место заявлениям иудеев, хранящих, как это ими утверждается, в полном объеме тайну Каббалы, существует *закрытая* часть этого учения, в которой, по догадкам, изложена система *динамичных* отношений человека с Богом. И то, о чем я говорю и с чем мы экспериментируем в ЦЕРН (Женева) при проведении научных разработок со сжатием времени в 10–100 раз, – это не более как воспроизведение известного человечеству уже давным давно?

Что, как это видится, и *ощущает* своей русской душой профессор-филолог, когда говорит о *Служении* Богу. Ощущает, что в каком-то совсем уже не столь отдаленном будущем “грядут перемены”. Правда, пока ему оказалось дано не более этого...

Но многие ли из вас, наши дорогие читатели, решатся бросить подобный же камень? По такому случаю Бернард Шоу сказал: “Умные приспособляются к миру, дураки же стараются приспособить мир к себе, поэтому изменяют мир и делают историю дураки”. (Ю. Боров. Эстетика. Теория литературы. 2003. – с. 471.)

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.Б. Борев

ПАРАДИГМА ЭПОХИ

1. Современная эпоха	3
2. “Весь мир – тюрьма”	4
3. Краткая и поэтому схематичная история поисков парадигмы	5
4. Россия, не достроив “прекрасное будущее”, строит “прекрасное прошлое”	9
5. Формула бытия человечества в XXI веке	11
6. Глобализация и общечеловеческая культура	13
7. Продолжить поиск парадигмы!	14

П.А. Николаев, В.Н. Шкунденков

РОССИЯ: УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Часть I. П.А. Николаев

К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАХ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	17
--	-----------

Часть II. В.Н. Шкунденков

“ПОЙ, ГАРМОНИКА, ВЬЮГЕ НАЗЛО...”

(Комментарий к книге П.А. Николаева

“Поэтический пантеон великой победы”) 20

АНТРОПОКОСМИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

ВСЕЛЕННОЙ 23

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО

МИРА 27

Метод B-Synergetic Time Compression 48

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ЦЕРН (ЖЕНЕВА). СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ РАСПРЕДЕЛЕННОГО НАУЧНО- УЧЕБНОГО ЦЕНТРА

(Фоторепортаж, декабрь 2005 года) 49

Участники совещания 50

Философские разговоры

В.Н. Шкунденков

О гениальности Эйнштейна 70

П.А. Николаев

«Нематериальное» выражение слова

(О силе “аккомпанимента” к слову-оружию) 72

В.Н. Шкунденков

Оружие космического одиночества 74

Философский дневник

13 февраля 2006 года. В.Н. Шкунденков	76
П.А. Николаев	76
В.Н. Шкунденков	78
25 февраля 2006 года. В.Н. Шкунденков	80
В.И. Аршинов	80
В.Н. Шкунденков	81
27 февраля 2006 года. В.Н. Шкунденков	82
Ю.И. Архипов	83
В.Н. Шкунденков	86

**Борев Юрий Борисович
Николаев Петр Алексеевич
Шкунденков Владимир Николаевич**

РОССИЯ: УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Под редакцией В.Н. Шкунденкова

Фото из архивов ЦЕРН (Женева) и ОИЯИ (Дубна),
Юрия Бабича, Владимира Шкунденкова
и Марии Вл. Шкунденковой

Подписано в печать 28.02.2006	Формат 60х90 ¹ / ₁₆
Бумага офсетная № 1	Зак. б/н
Усл. печ. л. – 5,6	Усл.-изд. л. – 6,2
Тираж 10 000 экз.	

Издательско-полиграфический комплекс «Репроцентр»
300001, Тула, Красноармейский пр-т, 7.